

ЗИМНЯЯ СКАЗКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По новѣйшимъ изысканіямъ «Зимняя Сказка» написана Шекспиромъ въ 1610 году, и въ первый разъ была представлена на театрѣ Глобуса 15-го мая 1611 года. Сюжетъ этой пьесы заимствованъ изъ новеллы Грина: «Дорастъ и Фаунія», появившейся въ 1588 году. Шекспиръ взялъ у Грина почти всѣ главнѣйшія положенія пьесы, измѣнивъ только ея конецъ и выдвинувъ на первый планъ лица, которыя въ новеллѣ, напротивъ, играютъ второстепенныя роли; а именно: у Грина весь главный интересъ дѣйствія сосредоточенъ на любви Дораста и Фауніи (Флоризель и Пердита «Зимней Сказки»); исторія же ревности короля Пандоста (Леонтъ «Зимней Сказки») составляетъ только прологъ къ этой любви. У Шекспира, наоборотъ, исторія любви Флоризеля и Пердиты скорѣе похожа на эпизодъ — если даже не на интермедію — и сущность всей драмы заключена въ развитіи характеровъ короля Леонта и жены его, Герміоны. Конецъ новеллы также измѣненъ: у Грина жена Пандоста умираетъ дѣйствительно, тогда какъ авторъ «Зимней Сказки» избѣгаетъ такой кровавой развязки и возвращаетъ отысканную Герміону Леонту. Въ прочихъ событіяхъ пьесы Шекспиръ, вообще, остался вѣренъ Грину. Богемскій король Пандостъ также ревнуетъ свою жену, Белларію, къ Сицилійскому королю Эгисту, и также велитъ бросить въ пустынное мѣсто свою новорожденную дочь. Далѣе, сынъ короля, какъ и въ «Зимней Сказкѣ», умираетъ по приговору оракула. Въ исторіи любви молодого принца и принцессы у Шекспира есть опять небольшое отступленіе отъ новеллы. Тамъ Дорастъ влюбляется въ Фаунію не случайно, какъ у Шекспира, но находитъ ее, скрываясь бѣгствомъ отъ отца, задумавшаго женить его противъ воли на датской принцессѣ.

Въ любви къ Фауніи особенно рельефно выставлена борьба Дораста съ чувствомъ долга и съ мыслью о неравенствѣ состояній его и его возлюбленной — обстоятельство, совершенно опущенное Шекспиромъ. Въ концѣ новеллы, когда буря приводитъ бѣглецовъ къ Пандосту, Гринъ заставляетъ стараго короля влюбиться въ Фаунію, что рождаетъ новое положеніе дѣйствующихъ лицъ, также выпущенное Шекспиромъ изъ пьесы, что, впрочемъ, было и необходимо, такъ какъ старый король кончаетъ жизнь самоубійствомъ, пораженный мыслью, что онъ былъ влюбленъ въ родную дочь, между тѣмъ какъ Шекспиръ поставилъ себѣ задачей — кончить пьесу счастливымъ для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ образомъ. Вообще, относительно

общаго характера «Зимней Сказки» нельзя не замѣтить, что она носитъ на себѣ отпечатокъ желанія автора избѣжать сильныхъ и потрясающихъ сценъ; и это желаніе понятно, какъ нельзя болѣе, если вспомнимъ, что пьеса принадлежитъ къ послѣднему періоду дѣятельности Шекспира, когда имъ написаны «Буря», «Двѣнадцатая Ночь» и другія пьесы, въ которыхъ онъ, какъ бы утомленный жизнью и подавленный бурей страстей, выведенныхъ имъ въ предшествовавшихъ пьесахъ, повидимому, искалъ успокоенія для своего потрясеннаго духа изображеніемъ болѣе свѣтлыхъ и болѣе нѣжныхъ образовъ. Такимъ образомъ и созданъ циклъ вышеупомянутыхъ пьесъ, къ которымъ надо причислить и «Зимнюю Сказку». Въ этихъ пьесахъ гений Шекспира какъ бы углубился самъ въ себя и, отказавшись списывать жизнь съ природы во всей ея наготѣ, сталъ вызывать образы своихъ произведеній единственно изъ сокровищницы своего духа. При этомъ не отступая ни въ одной чертѣ этихъ образовъ отъ вѣрности природѣ, онъ придавалъ общему ихъ

556

облику смягчающій граціозный характеръ, подобно тому какъ живописецъ, изображающій ангеловъ и мадоннъ, придерживаясь природы, создаетъ, однако, лица, подобныхъ которымъ нельзя встрѣтить въ дѣйствительности. Вообще, рядъ этихъ пьесъ, по отношенію ко всей дѣятельности Шекспира, играетъ роль интермедіи, введившейся въ старинныя драмы и имѣвшей цѣлью развеселить и успокоить зрителей, потрясенныхъ предшествовавшими сценами. Оттого и при чтеніи этого отдѣла Шекспировыхъ произведеній, мы никогда не будемъ потрясены, какъ при чтеніи «Гамлета» или «Отелло», но зато почувствуемъ тихое и отрадное удовольствіе, которое способно помирить насъ даже съ темными чертами жизни, если именно онѣ выведены въ этихъ пьесахъ.

«Зимняя Сказка» подкрѣпляетъ рельефнѣе всего высказанное нами мнѣніе о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ Шекспирова творчества за этотъ періодъ времени. Попробуемъ бросить взглядъ на содержаніе пьесы, и посмотримъ, какого развитія слѣдовало бы ожидать отъ подобнаго содержанія при обыкновенномъ состояніи духа автора. Король, одаренный всѣми благами жизни и пользующійся рѣдкимъ семейнымъ счастьемъ, безъ всякаго повода, только подъ вліяніемъ какого-то болѣзненнаго состоянія духа, начинаетъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности. Сначала онъ таитъ это подозрѣніе въ душѣ, делѣетъ его и развиваетъ самыми парадоксальными выводами, наконецъ, не выдержавъ, дѣлится своею мыслью съ приближеннымъ совѣтникомъ, который безусловно разбиваетъ всѣ основанія его подозрительности. Тутъ манія короля вдругъ обращается изъ искры въ пламя. Онъ забываетъ все: здравый смыслъ, воспоминаніе о прежнемъ счастьѣ, сознаніе достоинства монарха — все это не существуетъ для него болѣе. Свою жену онъ велитъ бросить въ тюрьму и судить публично, какъ обыкновенную преступницу; родную дочь отдаетъ на съѣденіе звѣрямъ, наконецъ, возстаетъ даже на приговоръ судьбы, когда оракулъ, на рѣшеніе котораго онъ сначала

самъ положился, приносить ему отвѣтъ, противорѣчащій его несчастному безумію.

Вотъ въ краткихъ словахъ фактъ, положенный въ основаніе пьесы. Не въ правѣ ли бы мы ожидать самой кровавой развязки отъ подобнаго положенія? Какой ужасный урокъ могъ бы дать человѣчеству геній, подобный Шекспиру, въ случаѣ если бѣ душой его овладѣла вполнѣ мысль показать, куда насъ могутъ завести недовѣріе и подозрительность къ нашимъ близкимъ! Но что же сдѣлалъ Шекспиръ? Задавшись мыслью вывести одни граціозные, тихіе образы, онъ идетъ вразрѣзъ съ естественнымъ ходомъ событій и приводитъ пьесу къ самому тихому и мирному исходу, подстроивъ и измѣнивъ, сообразно съ этимъ тономъ, и самые характеры дѣйствующихъ лицъ. Это послѣднее обстоятельство лучше всего можно видѣть изъ сравненія главныхъ характеровъ «Зимней Сказки» съ характерами, выведенными Шекспиромъ въ «Отелло», такъ какъ обѣ эти пьесы родственны по главной идеѣ. И Отелло, и Леонтъ — оба ревнивцы и, притомъ, ревнивцы упрямые, готовые принести все въ жертву своей ложной идеѣ. Но какая разница въ исходѣ ихъ несчастной страсти! Въ «Отелло» Шекспиръ рисовалъ съ натуры, безъ всякой предвзятой мысли — и мы видимъ, съ какой страшной и вѣрной послѣдовательностью приходитъ онъ къ кровавой катастрофѣ, являющейся неизбѣжнымъ исходомъ для такого состоянія духа. Совсѣмъ другое видимъ мы въ Леонтѣ. Мнительный не меньше Отелло, онъ возвращаетъ эту идею совсѣмъ на другой почвѣ. Отелло — человѣкъ рѣшительный, человѣкъ дѣла; Леонтъ, напротивъ, сосредоточенный въ себѣ резонеръ; онъ больше разсуждаетъ, чѣмъ дѣйствуетъ. Отелло въ своей ложной идеѣ убѣждается другими, Леонтъ — выдумываетъ себѣ муку самъ и, прежде чѣмъ начинаетъ дѣйствовать, пытается убѣдить другихъ въ правотѣ своихъ поступковъ. Наконецъ, и послѣ катастрофы (истинной въ «Отелло» и предполагаемой въ «Зимней Сказкѣ») — оба героя дѣйствуютъ совершенно различно: Отелло лишаетъ себя жизни, Леонтъ же осуждаетъ себя на покаянье, которое длится цѣлыя шестнадцать лѣтъ и, будучи совершенно сообразно съ его сосредоточеннымъ, меланхолическимъ характеромъ, даетъ въ то же время автору возможность подготовить желанный счастливый исходъ пьесѣ.

Переходя къ анализу характера королевы Герміоны, мы найдемъ и въ немъ тѣ же тенденціи автора — смягчить и ослабить общее его впечатлѣніе. Для доказательства сравнимъ опять оба характера въ упомянутыхъ нами пьесахъ. Дездемона въ «Отелло» — беззащитная женщина, у которой нѣтъ ничего, кромѣ чарующей прелести и безграничной любви — и когда ея любви отказываются вѣрить, то ей остается только умереть съ словами, что она невинна. Этотъ чудный образъ цвѣтка, внезапно скошеннаго порывомъ бури, представляетъ превосходнѣйшій контрастъ съ неукротимымъ характеромъ Отелло. Совсѣмъ другое видимъ мы въ Герміонѣ. Она не только женщина, но и королева. Она не покоряется судьбѣ, какъ Дездемона, не падаетъ безропотно подъ ея ударами, но гордо встаетъ на свою защиту, хотя

и тутъ Шекспиръ сумѣлъ избѣжать всего рѣзкаго, представивъ въ Герміонѣ типъ олицетвореннаго гордаго благородства, такъ что въ положеніи, отъ котораго можно бы ожидать въ другомъ случаѣ потока клятвъ, слезъ и упрековъ, зритель видитъ только спокойную пластическую фигуру благородной женщины, служащую какъ бы залогомъ того, что развязка пьесы будетъ лучше самаго дѣйствія. Нельзя при этомъ не замѣтить, какъ граціозно и какъ сообразно съ характеромъ Герміоны выводитъ ее Шекспиръ въ концѣ пьесы. Чистая, какъ мраморъ, и холодная, какъ онъ, ко всему дурному, она дѣйствительно является въ видѣ мраморной статуи, сходящей съ своего пьедестала и вносящей опять миръ и счастье въ семью, страдавшую въ ея отсутствіе. Эпизодъ любви Флоризеля и Пердиты составляетъ въ «Зимней Сказкѣ» прелестную интермедію, какъ нельзя лучше подготовляющую счастливую развязку послѣ драматическихъ сценъ первыхъ дѣйствій. Въ эпизодѣ этомъ мы еще болѣе можемъ увидѣть подтвержденіе высказанной выше мысли, что «Зимняя Сказка» написана Шекспиромъ подъ впечатлѣніемъ того тихаго и спокойнаго настроенія духа, лучшимъ плодомъ котораго были у него «Буря» и «Двѣнадцатая Ночь». Флоризель и Пердита — это двойники Фердинанда съ Мирандой, да и все, вообще, четвертое дѣйствіе «Зимней Сказки» не что иное, какъ сколокъ съ «Бури». И тамъ, и здѣсь фонъ картины тихая сельская природа; героиня — найденное дитя, воспитанное въ тишинѣ лѣсовъ и богато одаренное одними безыскусственными дарами природы. И тамъ, и здѣсь исторія первой любви двухъ невинныхъ существъ, кончающаяся свѣтлою и тихою картиной невозмутимаго счастья. Такое сближеніе положеній не могло быть случайностью; и надо непременно предположить, что, создавая «Зимнюю Сказку», Шекспиръ дѣйствовалъ подъ особымъ впечатлѣніемъ, и, задумавъ сюжетъ, годный для трагедіи, передѣлалъ его на комедію, измѣнивъ, сообразно этому, и самые характеры дѣйствующихъ лицъ.

Кромѣ перевода, сдѣланнаго для нашего изданія К. К. Случевскимъ, мы имѣемъ переводъ А. Л. Соколовскаго, (Шекспиръ, въ переводѣ А. Л. Соколовскаго) — и прозаическій, переводъ «Зимней Сказки», сдѣланный г. Кетчеромъ:

Зимняя Сказка. Шекспира Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера. («Шекспиръ» 1866, ч. VI, стр. 1 — 105.)

558

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛЕОНТЪ — король Сициліи.

МАМИЛІЙ — его сынъ.

КАМИЛЛЬ }

АНТИГОНЪ } его придворные.

КЛЕОМЕНЬ }

ДІОНЪ }
Сицилійскій дворянинъ.
РОЖЕРО — богатый сициліанецъ.
Наставникъ Мамилія.
Служащіе при судѣ.
ПОЛИКСЕНЪ — король Богеміи.
ФЛОРИЗЕЛЬ — его сынъ.
АРХИДАМЪ — богемскій вельможа.
Морякъ.
Тюремщикъ.
Старый пастухъ, мнимый отецъ Пердиты.
ШУТЬ — его сынъ.
АВТОЛИКЪ — бродяга.
Время — являющееся въ видѣ хора.
ГЕРМІОНА — королева, жена Леонта.
ПЕРДИТА — дочь Леонта и Герміоны.
ЭМИЛІЯ, приближенная Герміоны.
ПАУЛИНА — жена Антигона.
Двѣ дамы, приближенныя Герміоны.
Мопса } пастушки.
Дорка }
Вельможи, придворные дамы, танцующіе сатиры, пастухи, пастушки, стража.

Дѣйствіе происходитъ въ Сициліи и Богеміи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Сицилія. Одна изъ прихожихъ дворца Леонта.

Входятъ КАМИЛЛЬ и АРХИДАМЪ.

АРХИДАМЪ. Если вамъ, Камилль, придется когда-нибудь посѣтить Богемію, по какому бы-то ни было случаю, схожему съ тѣмъ, который приводитъ сюда меня, вы увидите, какъ велика разница между нашею Богеміею и вашею Сициліею.

КАМИЛЛЬ. Я думаю, что будущимъ лѣтомъ король Сициліи отдастъ Богеміи тотъ визитъ, на который, пріѣхавъ сюда, вашъ повелитель имѣетъ полное право рассчитывать.

АРХИДАМЪ. Если мы не можемъ блеснуть роскошью нашего приѣма, то постараемся, по крайней мѣрѣ, быть радушными, потому что...

КАМИЛЛЬ. Прошу васъ...

АРХИДАМЪ. Нѣтъ, нѣтъ, правда — и я говорю вамъ это съ полною откровенностью и знаніемъ дѣла — мы не можемъ блеснуть тѣмъ же великолѣпіемъ... и такою же... я не знаю, какъ бы это выразить? Мы поднесемъ вамъ усыпляющіе напитки, чтобы вы не чувствовали, оставаясь вполнѣ

бодрыми, не могли различить недостатковъ пріема; и, если вы не похвалите насъ, то, по крайней мѣрѣ, не будете бранить.

КАМИЛЛЪ. Вы оплачиваете слишкомъ дорогою цѣною за то, что подносится вамъ отъ всего сердца.

АРХИДАМЪ. Повѣрьте мнѣ, я говорю по личному убѣжденію, и только то, что подсказываетъ мнѣ моя честь.

КАМИЛЛЪ. Король Сициліи никогда не сможетъ выразить всей своей дружбы къ королю Богеміи съ излишкомъ. Съ дѣтства взростали они вмѣстѣ, и ихъ взаимность пустила такіе глубокие корни, что отъ нихъ должны пойти отпрыски. Съ тѣхъ поръ какъ годы возмужалости и королевскія обязанности разлучили ихъ, дружба ихъ постоянно проявлялась подарками, письмами, рядомъ посольствъ; будучи разлучены, они, казалось, остаются все-таки вмѣстѣ и какъ бы пожимаютъ другъ другу руку черезъ

559

пропасть, и обнимаются отъ крайнихъ странъ, враждебныхъ одинъ другому, вѣтровъ. Да сохранить Господь ихъ дружбу.

АРХИДАМЪ. Мнѣ кажется, что никакой злобѣ міра не измѣнить ея. Какое прелестное дитя вашъ принцъ Мамилій! Вашъ подростокъ властитель обѣщаетъ такъ много, какъ только можно себѣ представить.

КАМИЛЛЪ. Совершенно раздѣляю ваши надежды: принцъ прелестное дитя; въ немъ есть способность молодить устарѣвшія сердца подданныхъ; тѣ, что ходили на костыляхъ въ день его рожденія, желаютъ жить для того, чтобы видѣть его возмужалость.

АРХИДАМЪ. А развѣ, безъ этой надежды, были бы они не прочь умереть?

КАМИЛЛЪ. Безъ сомнѣнія, если бы не было другихъ причинъ, привязывающихъ ихъ къ жизни.

АРХИДАМЪ. Не будь у короля сына, эти костыльники желали бы жить до рожденія такового.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Роскошный залъ во дворцѣ.

Входятъ Леонтъ, Поликсенъ, Герміона, Мамилій и придворные.

ПОЛИКСЕНЪ.

Ужъ девять разъ начальный рогъ луны
Пастухъ могъ видѣть въ небѣ съ той поры,
Какъ я покинулъ тронъ, и столько жъ дней
Пройдетъ — но не успѣю я вполнѣ
Всю благодарность выразить мою
За вашъ пріемъ; и какъ одна изъ цифръ
Растетъ въ значеніи, измѣняя мѣсто,

Пускай мое послѣднее «спасибо»
Займетъ такое мѣсто вслѣдъ другимъ.

ЛЕОНТЪ.

Оставь благодарить, еще успѣешь.

ПОЛИКСЕНЪ.

Но это будетъ завтра. Страшно мнѣ
Подумать, что, въ отсутствіе мое,
Какое-либо зло въ дому случилось.
Боюсь, чтобъ вѣтеръ тамъ не налетѣлъ
И чтобъ мое предчувствіе не лгало.
Затѣмъ, по правдѣ, васъ я утомилъ.

ЛЕОНТЪ.

На столько крѣпокъ я, чтобъ не замѣтить
Усталости.

ПОЛИКСЕНЪ.

А все мнѣ въ путь пора!

ЛЕОНТЪ.

Побудь еще недѣлю.

ПОЛИКСЕНЪ.

Нѣтъ, на завтра!

ЛЕОНТЪ.

Ну, полнедѣли, а затѣмъ ступай.

ПОЛИКСЕНЪ.

Прошу тебя — не принуждай меня.
Нѣтъ въ мнѣ голоса, чтобъ могъ вліять,
Какъ твой, мнѣ на сердце, и я бѣ остался,
Когда бы въ томъ была нужда какая:
Мои дѣла зовутъ меня домой.
Не пользуйся любовью, какъ бичемъ:
Гостить мнѣ здѣсь еще — тебѣ быть въ тягость
И въ безпокойство; чтобъ отъ нихъ избавить,
Мой другъ и братъ, я говорю: прощай!

ЛЕОНТЪ.

А королева? что жъ она молчитъ?
Проси его!

ГЕРМИОНА.

Я думала молчать,
Пока онъ клятву дастъ не оставаться.

Ты слишком холоденъ съ нимъ въ настоянъяхъ.
Скажи ему, что знаемъ несомнѣнно,
Что все въ Богеміи спокойно; этимъ
Ты изъ упорства выведешь его.

ЛЕОНТЪ.

Такъ, Герміона.

ГЕРМІОНА.

Если бъ онъ сказалъ,
Что сына хочетъ видѣть — было бъ хуже.
Пусть только скажетъ это, и тогда
Держать его не будемъ; я и дамы
Его веретенами прочь погонимъ.

(Поликсену.)

Я въ сдѣлку съ королемъ вступлю. Недѣлю
Пусть онъ останется; я обѣщаю,
Что если къ нимъ Леонта отпущу
Въ Богемію, дамъ право удержать
Его на цѣлый мѣсяцъ дальше срока,
Хотя люблю Леонта, не теряя
Мгновенья, нужнаго чтобъ маятникъ скользнулъ;
Люблю не менѣе, чѣмъ любятъ жены,
Которыя вѣрны своимъ мужьямъ!
Останетесь ли?

ПОЛИКСЕНЪ.

Нѣтъ.

ГЕРМІОНА.

Останьтесь, — да?

ПОЛИКСЕНЪ.

Я, право, не могу.

ГЕРМІОНА.

Здѣсь слово «право»,
Какъ клятва, слишкомъ слабо, чтобъ унять
Мою настойчивость. Когда бы вы клялись

Такъ сильно, чтобы звѣзды сдвинуть съ мѣста,
Я все-таки скажу: вы не уйдете;
Что «право» не уйдете вы; что «право»,

Когда его промолвить королева,
Не меньше значить, чѣмъ когда король
Его промолвить. Нѣтъ рѣшите сами:
За друга или плѣнника считать вась?
За плѣнника — тогда за содержанье
Вы намъ заплатите, благодарить
Не нужно будетъ. Поскорѣй отвѣтите:
Вы плѣнникъ или гость у насъ? Вамъ «право»
Нельзя не согласиться быть у насъ
Тѣмъ или этимъ.

ПОЛИКСЕНЬ.

Если такъ — я гость!
Быть плѣнникомъ, безъ мысли объ обидѣ —
Нельзя, а мнѣ обидѣть вась труднѣй,
Чѣмъ вамъ обидѣ той назначить кару.

ГЕРМИОНА.

Вотъ это хорошо. И я вамъ буду
Не мрачною тюремщицей — хозяйкой
Привѣтливой; ну расскажите мнѣ
Хоть что-нибудь о тѣхъ годахъ, когда
Леонтъ и вы, вы юношами были,
Должно быть, рѣзвыми, шалили много?

ПОЛИКСЕНЬ.

Отвѣчу я прелестной королевѣ,
Что мы стремились въ жизнь, не озираясь,
Что наши «завтра» и «сегодня» были
Похожи другъ на дружку и что юность
Казалась вѣчною.

ГЕРМИОНА.

А мой супругъ,
Конечно, былъ рѣзвѣйшимъ изъ обоихъ?

ПОЛИКСЕНЬ.

Мы были, какъ барашки — близнецы,
Что въ блескѣ солнца, будто въ шутку, бьются.
Въ невинности наивной я и онъ
Считали невозможнымъ зло въ другихъ,
Какъ и въ себѣ. И если бъ намъ пришлось
Такую жизнь продлить и наша кровь
Не подсказала намъ другихъ стремлений,
Могли бы мы на небеса предстать
Въ числѣ «невинныхъ», если бъ не зачестъ
Грѣха — наслѣдья праотца людскаго.

ГЕРМІОНА.

Но этимъ вы даете мнѣ понять,
Что позже наверстали?

ПОЛИКСЕНЪ.

Королева!
Конечно, искушенья наступили
Съ годами, только потому что та,
Что мнѣ теперь жена — была дитятей,
Когда мой усъ едва лишь пробивался,
А ваши прелести не ослѣпили
Очей Леонтовыхъ.

ГЕРМІОНА.

О, ради Бога!
Не дѣлайте дальнѣйшихъ заключеній,
А то меня и королеву вашу,
Представьте вы демонами злыми,
Причинами паденій. Мы простимъ
Вашъ грѣхъ, загладимъ свой, но докажите,
Что вы впервые съ нами согрѣшили,
Грѣшите съ нами, а ни съ кѣмъ другимъ,
Какъ только съ нами.

ЛЕОНТЪ.

Что жъ, согласенъ онъ?

ГЕРМІОНА.

Онъ остается.

ЛЕОНТЪ.

Мнѣ онъ отказалъ!
Ты Герміона дорогая, право,
Не говорила лучше никогда.

ГЕРМІОНА.

Какъ никогда?

ЛЕОНТЪ.

Разъ, только разъ одинъ.

ГЕРМІОНА.

Сегодня былъ второй, когда же первый,
Скажи? Меня какъ птичку, похвалами
Вскорми. Похвальное дѣянье, если
Его не цѣнять, гибнетъ; вмѣстѣ с нимъ
И тысячи другихъ хорошихъ гибнуть,

Не проявляясь. Похвала — награда!
Ты сладкимъ поцѣлуемъ подгоняешь
Меня на сотни миль, а шпорой только
На нѣсколько шаговъ. Однако — къ цѣли.
Послѣднее хорошее дѣянье
Мое — что короля остановила.
А — первое? Второму старшій братъ
Имѣется, такъ заключаю я.
Изъ вашихъ словъ. Скажите же скорѣе,
Сгораю нетерпѣніемъ узнать.

ЛЕОНТЪ.

Въ тѣ дни, когда въ три мѣсяца тяжелыхъ,
Тобой измученъ, наконецъ, успѣлъ я
Тебя принудить руку мнѣ открыть,
И сжалъ ее въ своей рукѣ, и ты
Проговорила мнѣ: «твоя навѣки».

ГЕРМИОНА.

Ты правъ, то было славное дѣянье!
Итакъ, я дважды складно говорила.
Рѣчь первая — дала мнѣ короля
Навѣки, рѣчь вторая — друга, только
На краткій срокъ.

(Протягиваетъ Поликсену руку.)

ЛЕОНТЪ *(въ сторону)*.

Не въ мѣру горячо!
Такъ близкимъ въ дружбѣ быть — кровь примѣшать!
Въ груди моей щемить, и сердце бьется

561

Невесело. Приемъ его по виду,
Конечно, честенъ и невиненъ; онъ
Хорошимъ кажется и откровеннымъ,
И имъ къ лицу — я это признаю.
Но это рукъ пожатье, этотъ трепеть
Ласкающихся пальцевъ, и улыбки,
Какъ передъ зеркаломъ, другъ передъ другомъ,
И вздохи, какъ у раненой козули,
Мнѣ не по сердцу и не по уму.
Мамилій! ты мнѣ сынъ?

МАМИЛІЙ.

Да, сынъ!

ЛЕОНТЪ.

Такъ, такъ!

Мой пѣтушокъ-цыпленокъ. Носъ твой грязень;
На мой походить, говорятъ. Идемъ!
Прибраться надо, мытымъ надо быть,
Не только мытымъ — чистымъ. Быкъ, корова,
Теленокъ, всѣмъ имъ надо прибираться.

(Смотритъ на Герміону и Поликсена.)

А все они другъ дружкѣ руку жмутъ...
Ну, мой теленочекъ, пойдѣмъ. Ты мой
Теленочекъ?

МАМИЛІЙ.

Да, если хочешь, такъ.

ЛЕОНТЪ.

Нѣтъ шкуры у тебя, нѣтъ украшеній
На головѣ, чтобъ быть совсѣмъ похожимъ
На батюшку. А все же говорятъ,
Что схожи мы, такъ какъ яйцо съ яйцомъ;
То бабы говорятъ, чтобы болтать!
Но, будь онѣ фальшивы, какъ кусокъ
Матеріи дурной, въ окраскѣ черной,
Какъ вѣтеръ, какъ вода, какъ цифры кости
Игральной, въ шулерскихъ рукахъ — а все же —
Ты схожъ со мной! Приди ко мнѣ, мой мальчикъ,
Глянь окомъ голубымъ въ меня, мой милый!
Кость отъ костей моихъ! нѣтъ, невозможно,
Чтобъ мать могла твоя... могла бы вправду...
О страсть! ты въ сердце будто ножъ стремишься,
Возможнымъ дѣлаешь, что невозможно,
Братаешься съ видѣньемъ сна, съ обманомъ...
(Какъ можетъ это быть?) съ тѣмъ, что ничто?
Что жъ удивительнаго, если мы
Объединяемъ то, что есть по правдѣ,
Съ тѣмъ, что обманъ, видѣніе, пустое...
Объединяемъ больше, чѣмъ хотимъ!
И вотъ, я чувствую, какъ отравляешь
Ты мысль мою и убиваешь мозгъ.

ПОЛИКСЕНЪ.

Что думаетъ Сицилія?

ГЕРМІОНА.

Разстроень,
Какъ будто бы король?

ПОЛИКСЕНЬ.

Скажи, Леонтъ,
Что сдѣлалось съ тобою, братъ любезный?
О чемъ ты думаешь?

ГЕРМИОНА.

Глядишь, какъ будто
Тебя далеко мысль твоя уносить?
Здоровъ ли ты?

ЛЕОНТЬ.

Я? ничего! здоровъ! *(Въ сторону.)*
Какъ часто въ насъ природа выдаетъ
Другимъ свое безуміе и нѣжность,
Насъ дѣлая игрушкой безсердечныхъ!
На мальчика взглянувъ, я вспоминаю
(Ужъ двадцать три тому минуло года):
Въ зеленой бархатной ходилъ я курткѣ,
Колѣнки были голы, мой кинжалъ
Чтобъ своему владѣльцу не вредилъ онъ,
Что часто съ украшеньями бываетъ,
Былъ тщательно обвязанъ. Какъ похожъ
Я былъ тогда на этого малютку!
(Сыну.) Скажи, дружокъ, поддашься ль ты обману?

МАМИЛІЙ.

Нѣтъ. Я драться буду!

ЛЕОНТЬ.

Драться? ну, желаю
Тебѣ я счастья! Братъ, скажи, твой сынъ
Тобой любимъ не менѣе, чѣмъ нами
Мамилій?

ПОЛИКСЕНЬ.

Да, когда бываю дома,
Онъ мнѣ — мое занятъе и забава:
То вѣрный другъ, то врагъ непримиримый,
Мой льстецъ, мой воинъ, мой совѣтникъ важный;
Короче, онъ мнѣ все! онъ сокращаетъ
Іюльскій длинный день въ декабрьскій краткій,
И вереницей всяческихъ забавъ
Ребяческихъ, мнѣ разжижаетъ мысли,
Готовыя свернуть во мнѣ всю кровь.

ЛЕОНТЪ.

Совсѣмъ, какъ мой здѣсь у меня; теперь
Идемъ мы съ нимъ вдвоемъ и оставляемъ
Тебя, король, твоимъ занятьямъ важнымъ.
Ты, Герміона, докажи пріемомъ
Насколько любишь моего ты брата;
Что дорого у насъ — дай за ничто.
Вслѣдъ за тобой и сыномъ онъ мнѣ ближе
Всѣхъ, всѣхъ другихъ.

ГЕРМІОНА.

А ежели искать

562

Насъ будешь, мы въ саду къ твоимъ услугамъ;
Тамъ будемъ ждать васъ.

ЛЕОНТЪ.

Это, какъ угодно.
Ужъ я найду васъ, если только вы
Подъ небомъ будете. *(въ сторону.)*
Забросилъ я
Крючокъ съ наживкой. Имъ онъ незамѣтенъ...
Ну, клюй же, на, бери...

(Слѣдитъ за Поликсемомъ и Герміоной.)

О, какъ она
Къ нему свой ротъ протягиваетъ клювомъ,
Кокетствомъ женщины вооружаясь
На глупость мужа!

(Уходятъ Поликсенъ, Герміона и свита.)

Вотъ они исчезли!
Безпомощно, во весь мой лобъ рогать!
Ступай, сынокъ, играть, вѣдь, мать играетъ,
И я играю, но презлую роль,
Ведущую ко гробу. Свистъ, смѣшки
Послужатъ звономъ колокольнымъ мнѣ
Въ часъ похоронъ! Иди, дитя, играй.
Когда не ошибаюсь, вѣчно были
Рогатые мужья; такихъ не мало,
Что обнимая въ эту, вотъ, минуту
Свою жену, совсѣмъ не склонны мыслить,

Что дверь была открыта до него
Улыбочкой снабженному сосѣду.
Да, въ этомъ утѣшенъе, что другіе
Такія же находятъ двери дома
Открытыя, какъ я, и противъ воли.
Когда бъ всѣ тѣ мужья, которымъ жены
Невѣрны, предались своей печали,
Десятая повѣсилась бы часть
Мужей несчастныхъ. Докторъ тутъ безсиленъ.
Тутъ сводничаетъ нѣкая планета
Неотразимая, когда засвѣтитъ
На сѣверъ или югъ, востокъ иль западъ.
Отсюда — выводъ: женщины не спряташь;
Она врага и выпустить и впустить,
И тысячи мужей страдаютъ тѣмъ же.
Мы такъ и будемъ знать. Ну, что, Мамилій?

МАМИЛІЙ.

Мнѣ говорятъ, я на тебя похожъ.

ЛЕОНТЪ.

Что жъ? Это утѣшенъе. Эй! Камиллъ!

КАМИЛЛЪ.

Что нужно королю?

ЛЕОНТЪ.

Ступай, Мамилій,
Играй, мой умница!

(Мамилій уходитъ.)

Камиллъ, ты слышалъ:
Король гостить здѣсь остается?

КАМИЛЛЪ.

Слышалъ.
А какъ вамъ много стоило труда,
На якорѣ его здѣсь удержать:
Бросали якорь вы — онъ все срывался.

ЛЕОНТЪ.

А ты замѣтилъ?

КАМИЛЛЪ.

Не сдавался онъ
На ваши просьбы; на дѣла свои
Настойчиво ссылался.

ЛЕОНТЪ.

Ты замѣтилъ?

(Въ сторону.)

Такъ, значитъ, я замѣтилъ не одинъ,
Замѣтили еще другіе, шепчуть,
Что я, король, уже... должно быть, зло
Довольно сильно, если я послѣднимъ
Его замѣтилъ. Расскажи, Камилль,
Какъ это сдѣлалось, что онъ остался?

КАМИЛЛЬ.

Поддался просьбѣ доброй королевы.

ЛЕОНТЪ.

Да, королевы, такъ, но доброй — это
Должно бѣ такъ быть — оно и да, и нѣтъ.
А ты скажи, Камилль: къ соображенью
Такому ты одинъ пришелъ? быть можетъ,
Другіе тоже? Губчатый умъ твой
Въ себя вбираетъ всѣ соображенья
Не такъ, какъ прочіе. Скажи ты мнѣ:
Тѣ, что глупѣй, сообразили тоже?
Толпа слѣпа для такихъ вещей.

КАМИЛЛЬ.

Для такихъ вещей? Я смѣю думать
Всѣмъ ясно, что король здѣсь остается.

ЛЕОНТЪ.

Что ясно?

КАМИЛЛЬ.

То, что остается онъ.

ЛЕОНТЪ.

Такъ, но зачѣмъ?

КАМИЛЛЬ.

Чтобы исполнить просьбы
Какъ вашу, такъ и просьбу королевы.

ЛЕОНТЪ.

Да, просьбу королевы чтобъ исполнить.
Достаточно тебѣ, Камилль, ввѣрялъ я
Всѣ побужденья сердца, тайны мысли;
Ты, какъ отецъ духовный, облегчалъ

Мнѣ грудь; но я тобой обмануть
И въ честности твоей ошибся я.

КАМИЛЛЬ.

О! сохрани Господь!...

ЛЕОНТЬ.

Меня отъ вѣры
Въ тебя, Камилль! Нѣтъ, ты совсѣмъ не честень.
А если ты и честень — то трусливъ,
И честности твоей мѣшаешь самъ;
И ты одно изъ двухъ: или слуга,

563

Повѣренный всѣхъ тайнъ моихъ, но слабый
Забывчивый, иль, попросту, глупецъ,
Смотрящій, какъ проигрываютъ ставки
За ставками, и видящій въ игрѣ
Не разоренье — шутку!

КАМИЛЛЬ.

Мой король!
Когда бъ я былъ трусливъ, иль нерадивъ,
Иль просто глупъ, то нѣтъ такихъ людей,
Въ которыхъ эти качества порою
Не сказывались въ жизни. Но допустимъ,
Что это такъ: что если нерадивъ
Я былъ сознательно — такъ это было
По глупости моей; когда глупцомъ
Казался, то по невниманью только
Къ послѣдствіямъ; являлся трусомъ я,
Когда исходъ казался мнѣ неясень —
Подобный страхъ доступенъ даже мудрымъ.
Все это слабости. Но не изъята
Тутъ честность! Умоляю васъ, король,
Яснѣ говорить! Мою вину
Лицомъ ко мнѣ поставьте: если я
Виновень — то признаюсь!

ЛЕОНТЬ.

Ты видалъ ли
(Не видѣть ты не могъ, когда твой глазъ
Не слѣпъ), слыхалъ ли ты (не слышать трудно,
Когда кричать), ты думалъ ли когда

(А можно ли не думать, мозгъ имѣя)
Что королева невѣрна? А если
Ты въ томъ увѣренъ (быль бы стыдъ и срамъ
Свой умъ, глаза и уши отрицать),
Такъ ты скажи мнѣ прямо: королева
Простая... какъ бы мнѣ ея назвать...
Ту, что себя до свадьбы отдаетъ?
Скажи, что да — и докажи, что скажешь.

КАМИЛЛЪ.

Клянусь душой моей, я бѣ не хотѣлъ
Стоять и слушать, какъ теперь случилось
Такое поношенье королевѣ —
И не отмстить! Нѣтъ, въ жизни никогда
Не говорили вы подобной рѣчи,
Чтобъ вамъ такъ мало шла, какъ эта рѣчь!
Еще разъ повторить, что вы сказали —
Грѣшнѣй, чѣмъ сдѣлать то, въ чемъ усомнились.

ЛЕОНТЪ.

Шептаться, развѣ, ничего не значить?
Щекой къ щекѣ и носомъ къ носу быть,
И цѣловать хотя бы незамѣтно,
И прерывать неожиданнымъ вздохомъ смѣхъ
(Вѣрнѣйшій знакъ обмана), на коняхъ
Бить стремями о стремя, по угламъ
Скрываться и желать, чтобы скорѣй
Часы мгновенья шли и полдень въ полночь
Скорѣе обращался, чтобъ ослѣпли
Всѣ, всѣ глаза, чтобъ имъ однимъ глядѣть
И для грѣха сходиться! Это ль вздоръ?
Тогда весь мiръ подлунный вздоръ, и небо
Такой же вздоръ! Богемія и та
Ничто, ничто — жена, и все ничто,
Все вздоръ!

КАМИЛЛЪ.

Владыка мой и мой король!
Скорѣе излѣчитесь отъ безумья:
Оно опасно.

ЛЕОНТЪ.

Да! но и правдиво!

КАМИЛЛЪ.

Нѣтъ, государь.

ЛЕОНТЪ.

Ты лжешь! все это правда!
Ты лжешь, и ненавижу я тебя,
И называю дуракомъ безмозглымъ
Или притворщикомъ, который смотритъ
Равно безстрастно на добро и зло
И любить ихъ равно! Будь кровь жены
На столько же, какъ жизнь ея, скверна,
Она не прожила бы даже срока
Движенія песка въ часахъ песочныхъ.

КАМИЛЛЬ.

Кто жъ совратилъ ее?

ЛЕОНТЪ.

Никто, какъ онъ
Богемець: у него она виситъ
На шеѣ, что медаль. Когда бы я
Имѣлъ слугъ вѣрныхъ, не такихъ, какъ ты,
Что только выгодамъ своимъ послушны,
Давно бъ они сумѣли прекратить
Его дѣянье. Ты, клеветь его,
Мной поднятый изъ тьмы, ты, что умѣешь
Глядѣть съ такою ясностью, какъ смотрятъ
Земля на небо и на землю небо —
Ты ранѣ другихъ замѣтить могъ бы,
Какъ оскорбленъ я, и ты долженъ былъ
Отраву подмѣшать ему въ питье,
Его навѣки усыпить и этимъ
Мнѣ, королю, здоровье возвратить.

КАМИЛЛЬ.

Да, государь! я могъ бы сдѣлать это,
И не мгновеннымъ ядомъ, но тихонько,
Такимъ, чтобы на ядъ похожимъ не былъ!
Но не могу увѣриться я въ томъ,
Что эта грязь коснулась королевы;
Такъ дѣвственна она въ своемъ величьи!
Я васъ люблю...

ЛЕОНТЪ.

А! если такъ, снивай
Въ твоёмъ сомнѣннѣ. Думаешь ли ты,
Что я такъ глупъ, чтобъ самъ себя замучить?
Чтобъ ложе брачное мое позорить,
То ложе, на которомъ мнѣ спалось

Такъ сладко, на которомъ вдругъ выросли
Шипы, крапива, оводовъ уколы?

564

Что я такъ глупъ — на сына моего
Набросить тѣнь, на сына дорогаго
Набросить безъ дѣйствительной причины,
Безъ доказательствъ? Ну, скажи ты самъ:
Способенъ ли разумный человекъ
Къ такой нелѣпости?

КАМИЛЛЪ.

Я долженъ вѣрить!
И съ королемъ Богеміи покончу,
Но, подъ условьемъ, чтобы вслѣдъ за смертью
Его, вы вашу милость королевѣ
Вернули всю, хотя бы ради сына,
Чтобы не дать причины болтовнѣ
Въ другихъ странахъ, намъ дружныхъ королевствахъ.

ЛЕОНТЪ.

Что ты совѣтуешь — рѣшилъ я самъ:
Честь королевы не хочу порочить.

КАМИЛЛЪ.

Ступайте жъ, государь! спокойны будьте,
На пиршествахъ веселымъ оставайтесь.
Я Поликсену подношу питье —
И если то питье здорово будетъ,
То не считайте вы меня слугой.

ЛЕОНТЪ.

Ступай, исполни! Сдѣлаешь — тогда
Поль-сердца моего тебѣ даю
Не сдѣлаешь — твое я раздвою.

КАМИЛЛЪ.

Я сдѣлаю.

ЛЕОНТЪ.

А я, какъ ты сказалъ,
Веселымъ буду.

(Уходятъ.)

КАМИЛЛЪ.

Горе — королевъ!
Но я то что при этомъ всею, что я?
Убийцей быть хорошаго монарха?
Причина этому всего одна:
Властителю слѣпое послушанье —
Властителю, который самъ съ собой
Въ борьбѣ безсмысленной, желаетъ, чтобы
И всѣ другіе мыслили, какъ онъ!
Исполнивъ это, сослужу я службу.
Но если бѣ тысячи людей сумѣли
Достигнуть счастья своего убійствомъ
Князей, помазанныхъ на царство — все же
Я бѣ этого не сдѣлалъ. Камень, бронза,
Пергаменты примѣровъ не хранятъ
Убійствъ такихъ, и злобствующій извергъ
Его не совершитъ — и потому-то
Я дворъ покинуть долженъ. Все равно:
Убью, иль нѣтъ, себѣ сломаю шею.
Звѣзда счастливая, свѣти мнѣ! Вотъ
Идетъ и жертва!

Входитъ Поликсенъ.

Поликсенъ.

Странно это очень,
Но, кажется, ко мнѣ охолодѣли;
Не говорятъ... привѣтъ, Камилль!

Камилль.

Поклонъ
Властителю и господину!

Поликсенъ.

Есть ли
Что новаго у васъ?

Камилль.

Какъ будто мало.

Поликсенъ.

Король вашъ смотритъ такъ, какъ будто онъ
Поль-царства потерялъ, страну такую,
Что, какъ себя, любилъ. Его я встрѣтилъ,
И встрѣтилъ такъ, какъ и всегда, поклономъ;
Онъ въ сторону взглянулъ и улыбнулся
Презрительно, и быстро прочь пошелъ,
А я остался неподвижный думать

О томъ, что измѣнить его могло?

КАМИЛЛЬ.

Я, государь, угадывать не смѣю.

ПОЛИКСЕНЬ.

Какъ? ты не смѣешь? знаешь и не смѣешь
Мнѣ рассказать? Однако если знаешь
Ты что-нибудь — то знаешь также то,
Что самъ себѣ не скажешь: знать не смѣю!
По твоему лицу я вижу — ты
Смущенъ не менѣе меня. Я долженъ
Причину этихъ измѣненій знать.

КАМИЛЛЬ.

Царить тутъ нѣкая болѣзнь средь насъ,
Которую я вамъ назвать не смѣю;
Скажу лишь только, что она отъ васъ,
Здороваго, пришла.

ПОЛИКСЕНЬ.

Какъ отъ меня?
Не придавай мнѣ взгляда василиска:
На много тысячъ я людей смотрѣлъ,
Они отъ этого счастливыи были,
Не умирали. Ты — дворянской крови!
Ученъ и многоопытенъ, и это
Не меньше человѣка украшаетъ,
Чѣмъ слава имени достойныхъ предковъ.
Когда провѣдалъ что о мнѣ — скажи,
Не укрывай въ невѣдѣнныи, въ незнаньи.

КАМИЛЛЬ.

Мнѣ говорить нельзя.

ПОЛИКСЕНЬ.

Какой-то недугъ
Вдругъ отъ здороваго пришелъ! здоровый,
Но заражающій другого — я!
Камилль! ты долженъ мнѣ сказать, что знаешь;
Я заклинаю именемъ всего,
Что честно, я прошу тебя о честномъ!

Скажи: что на меня воздвиглось втайнѣ?
Въ чемъ дѣло? близко ль, далеко ли горе?
И какъ его избѣгнуть, если можно,
А если не избѣгнуть — какъ снести?

КАМИЛЛЪ.

Извольте, если такъ. Во имя чести,
И человѣку честному, какъ вы.
Послушайте совѣта моего,
Исполните его скорѣй, чѣмъ я
Его скажу вамъ, или оба мы, —
И вы, и я, погибли безвозвратно.

ПОЛИКСЕНЪ.

Ну, дальше, дальше!

КАМИЛЛЪ.

Я на то назначенъ,
Чтобъ васъ убить!

ПОЛИКСЕНЪ.

Кѣмъ?

КАМИЛЛЪ.

Королемъ...

ПОЛИКСЕНЪ.

За что?

КАМИЛЛЪ.

Онъ думаетъ... нѣтъ, онъ клянется, — точно
Самъ видѣлъ иль способствовалъ тому, —
Что вы — въ связи преступной съ королевой.

ПОЛИКСЕНЪ.

Пусть обратится кровь моя въ отраву,
Коль это такъ! пусть имя Поликсена
Сольется съ именемъ того, кто продалъ
Наилучшаго изъ смертныхъ, пусть оно
Гнилой заразой отдаетъ и гонитъ
Прочь отъ меня людей съ чутьемъ тупѣйшимъ;
Пусть всѣ его клянуть и ненавидятъ,
Какъ худшій моръ, бывавшій на землѣ.

КАМИЛЛЪ.

Хоть поклянетесь вы звѣздами неба,
Что это ложь — скорѣе океану

Вы возбраните морю покоряться
Въ его приливахъ, чѣмъ въ его умѣ
Разрушите заклѣтѣмъ иль совѣтомъ
То, что построилъ онъ воображеньемъ,
Чему повѣрилъ самъ и что до смерти
Его въ немъ будетъ жить.

ПОЛИКСЕНЪ.

Но какъ могло
Все это сдѣлаться?

КАМИЛЛЪ.

Не знаю. Знаю,
Что въ томъ, что есть — вѣрнѣй всего бѣжать,
Не спрашивать. Моей довѣривъ чести
(А честь вотъ въ этомъ тѣлѣ, я его
Залогомъ вамъ даю) бѣгите ночью;
Я тайно вашихъ слугъ оповѣщу,
Велю ихъ по два, по три человѣка
Изъ города различными путями
Спровадить. Самъ я буду вашъ отнынѣ,
На вашей службѣ счастья поищу,
Которое утратилъ здѣсь, открывши
Вамъ тайну. Но рѣшитесь поскорѣе.
Клянусь я предками моими: правду
Я вамъ сказалъ. И если бѣ вы хотѣли
Ждать доказательства — я ждать не смѣю,
А ваша жизнь настолько жѣ непрочна,
Какъ жизнь приговореннаго ко смерти
Устами короля!

ПОЛИКСЕНЪ.

Тебѣ я вѣрю.
Въ его лицѣ прочелъ его я сердце.
Дай руку мнѣ, будь рулевымъ моимъ,
Ближайшимъ человѣкомъ. Мой корабль
Уже два дня готовъ, и свита жаждетъ
Отплытія. Король Леонтъ ревнуетъ
Чистѣйшее созданье! Чѣмъ оно
Неоцѣнимѣе, тѣмъ ревность глубже,
Сильнѣе быть должна, и такъ какъ онъ
Считаетъ, что обмануть старымъ другомъ,
То мечь его должна быть соразмѣрна
Обидѣ. И меня объемлетъ страхъ.
Ну, счастье, улыбнись мнѣ, возврати
Спокойствіе прекрасной королевѣ,
Невинной жертвѣ подозрѣній злыхъ!

Идемъ, Камилль! ты будешь мнѣ отцомъ,
Коль выведешь живымъ. Бѣжимъ скорѣе.

КАМИЛЛЬ.

Ключи воротъ во власти у меня,
И если, государь, согласны вы,
Бѣжимъ тотчасъ, не медля ни минуты.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Сицилія. Дворецъ Леонта.

Входятъ Герміона, Мамилій и придворныя дамы.

ГЕРМІОНА.

Возьмите мальчика — онъ надоѣлъ,
Измучилъ онъ.

1-я ДАМА.

Пойдемте, принцъ! Хотите
Играть со мной?

МАМИЛІЙ.

Нѣтъ, съ вами не хочу.

1-я ДАМА.

А почему?

МАМИЛІЙ.

Цѣлуете меня

Вы крѣпко — и со мною говорите,
Какъ съ маленькимъ. (2-й дамѣ.)
Вы лучше.

2-я ДАМА.

Почему же?

МАМИЛІЙ.

Не потому, что брови такъ черны
У васъ, хотя, какъ говорятъ, онѣ,
Когда не слишкомъ густы, а круглы,
Какъ рогъ луны, рисованный перомъ,
Идутъ ко многимъ женщинамъ.

2-я ДАМА.

Но кто же
Васъ этому училъ?

МАМИЛІЙ.

На женскихъ лицахъ
Я высмотрѣлъ. Скажите мнѣ, однако,
Какого цвѣта ваши брови?

2-я ДАМА.

Сини!

МАМИЛІЙ.

Вы шутите. Бровей такого цвѣта
Я не видалъ. Но синій носъ я видѣлъ
У женщины.

2-я ДАМА.

Послушайте, мой принцъ:
Вамъ очень скоро братца Богъ пошлетъ,
И будемъ мы тогда ходить за нимъ,
И рады будете вы насъ хвалить,
Задабривать, чтобъ поиграли съ вами.

1-я ДАМА.

Да, королева на послѣднихъ дняхъ
Круглѣе стала. Лишь бы въ добрый часъ.

ГЕРМИОНА.

Что тамъ у васъ за важный разговоръ?
Ну, мальчикъ, подойди ко мнѣ: я снова
Твоя, садись и расскажи мнѣ сказку.

МАМИЛІЙ.

Веселую иль скучную тебѣ?

ГЕРМИОНА.

Веселую, насколько можешь.

МАМИЛІЙ.

Нѣтъ,

Зимѣ подходитъ скучная скорѣе.
Одну про фей я знаю и про духовъ
Подземныхъ.

ГЕРМИОНА.

Да, вотъ эту Расскажи.
Присядь ко мнѣ и феями твоими
Пугай меня, ты мастеръ напугать.

МАМИЛІЙ.

Жилъ былъ когда-то человекъ одинъ...

ГЕРМИОНА.

Нѣтъ, прежде сядь, а тамъ и говори.

МАМИЛІЙ.

Онъ жилъ близъ кладбища. Хочу я тихо
Тебѣ рассказывать, чтобы сверчкамъ
Вотъ этимъ не слышать.

ГЕРМИОНА.

Тогда присядь
Поближе, чтобы на ухо повѣдать.

Входятъ Леонтъ, Антигонъ и придворные.

ЛЕОНТЪ.

Вы тамъ его видали? и со свитой?
И съ нимъ Камилль?

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Да, за сосновой кущей.
И не видалъ я, чтобы торопились
Такъ, какъ они; и я смотрѣлъ имъ вслѣдъ
До самыхъ кораблей.

ЛЕОНТЪ.

Какъ счастливъ я
Въ соображеніяхъ своихъ; какъ вѣренъ
Въ правдивыхъ подозрѣньяхъ. Далъ бы Богъ
Способность меньше видѣть. Даръ печальный!
Когда паукъ къ вамъ въ кубокъ упадетъ,
Вы выпьете, не замѣчая яда,
Сознанья онъ не отравилъ; но если
Вы увидели паука; и кубокъ
Былъ осушенъ, и вы сознали ясно,
Что было выпито, — тогда бока
И горло ваше растревожитъ рвота.

Я пиль и видѣль паука, Камиль
Былъ сводникомъ. Тутъ ясенъ заговоръ
На жизнь мою и тронъ. Какъ былъ я правъ,
Подозрѣвая! Этотъ негодяй
Былъ избранъ мной, но имъ былъ избранъ раньше.
Ему мои намѣренья открылъ онъ.
Я кукла имъ обоимъ, я — потѣха,
Игралище! Но какъ же такъ легко
Ворота отворились?

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Силы слова
Его послушались, — оно не разъ
Во имя ваше дѣлало и больше.

ЛЕОНТЬ.

Я знаю это очень хорошо. (*Гермионъ.*)
Дай мальчика. Я радъ, что не кормила
Ты сына. Если у него со мною
Въ чертахъ есть сходство — болѣе, чѣмъ нужно,
Твоей въ немъ крови есть.

ГЕРМИОНА.

Что это? шутка?

ЛЕОНТЬ.

Прочь съ мальчикомъ; возьмите прочь совсѣмъ,
Сейчасъ; и если ей шутить охота,
Пусть шутить съ тѣмъ, что у нея подъ сердцемъ
Отъ Поликсена!

567

ГЕРМИОНА.

Стоило бы мнѣ
Тебѣ отвѣтить: онъ не отъ него,
Клянусь тебѣ, что ты бы мнѣ повѣрилъ,
И только бы для вида отрицалъ.

ЛЕОНТЬ.

Взгляните на нее, взгляните смѣло,
Попристальнѣй, не правда ль «хороша»?
Но совѣсть ваша не велитъ ли также
Добавить: «жаль, что вовсе не честна».
Попробуйте хвалить въ ней только внѣшность

(Причину вѣрности моей давнишней),
Начнутъ сейчасъ подергивать плечами,
Насмѣшливо сквозь зубы улыбаться,
Шептать, предпосылая клеветѣ
Все это, какъ поджоги до пожара;
Но, впрочемъ, сожалѣнье точно также
Порой клеветцетъ, ежели судить
По внѣшнимъ знакамъ; добродѣтель тоже
Отъ клеветы ничемъ не защитится.
Пусть ваши всѣ улыбочки и шепотъ
Относятся къ словамъ «какъ хороша»,
До прибавленья къ нимъ «честна не меньше»;
Узнайте жъ отъ меня, какъ отъ того,
Кто больше всѣхъ и глубже всѣхъ обиженъ:
Она — развратница!

ГЕРМИОНА.

Когда бы кто,
Первѣйшій негодяй земли такое
Промолвилъ слово, хуже бы онъ сталъ,
Чѣмъ былъ, — но ты — ты, видимо, ошибся.

ЛЕОНТЪ.

Ошиблась ты, принявши Поликсена
За мужа, за Леонта. О, созданье,
Котораго назвать я не хочу,
Какъ слѣдуетъ, чтобы людская глупость
Меня себѣ примѣромъ не взяла,
Во всѣхъ слояхъ людей не выражалась
На тотъ же ладъ и этимъ не снесла
Стѣны завѣтной, что отъ вѣка дѣлится
Царей отъ нищихъ. Назвалъ я ее
Развратницей, я назвалъ, съ кѣмъ она
Развратничала; больше я скажу:
Она — измѣнница, Камилль — сподручникъ,
И зналъ онъ раньше то, что подобало
Знать ей одной съ любовникомъ своимъ:
Знать, что она супружескому ложу
Измѣнница, не лучше тѣхъ, которымъ
Позорныя названья чернь даетъ,
И было ей о бѣгствѣ ихъ извѣстно.

ГЕРМИОНА.

Клянусь, что нѣтъ, что я тутъ ни при чемъ!
О! какъ глубоко будешь ты жалѣть
Когда-нибудь, когда придешь къ разсудку,
Что оскорбилъ меня при всѣхъ такъ сильно;

Боюсь, что слабымъ будутъ оправданьемъ
Слова пустыя — что ошибся ты.

ЛЕОНТЬ.

О, нѣтъ! когда бы ошибался я
Въ тѣхъ основаньяхъ, что теперъ имѣю,
То основанья мощныя земли
Не въ силахъ вынести волчокъ ребенка.
Въ тюрьму ее! кто скажетъ за нее
Одно лишь слово, виноватъ онъ будетъ,
Что молвилъ это слово.

ГЕРМИОНА.

Здѣсь царить
Вліяніе какой-то злой планеты
Я терпѣлива буду, буду ждать,
Пока смягчится небо. — Господа!
Я не склонна какъ женщины другія
Къ слезамъ; и ихъ отсутствіе быть можетъ,
Въ васъ изсушаетъ чувства сожалѣнья,
Такъ сохнетъ поле, если нѣтъ росы;
Но въ сердцѣ у меня печаль безмѣрна,
Горитъ и жжетъ; слезамъ не погаситъ
Печали этой; я прошу васъ всѣхъ
Меня цѣнить такъ, какъ подскажетъ вамъ
Влеченье сердца вашего. Затѣмъ,
Да будетъ воля короля.

ЛЕОНТЬ (*стражъ*).

Ну, что же?
Я повелѣлъ!

ГЕРМИОНА.

Но кто жъ идетъ со мной?
Прошу васъ, государь, оставьте мнѣ
Моихъ придворныхъ дамъ. Въ томъ положеньи,
Въ которомъ нахожусь, онѣ мнѣ нужны.
Не плачьте, глупыя, причины нѣтъ;
Когда бы вы дѣйствительно признали,
Что королева по дѣломъ въ тюрьмѣ,
Тогда заплачьте разомъ, чуть на волю
Я выйду. А теперъ мой путь въ тюрьму
Мнѣ къ чести служить. Счастливъ будь, Леонтъ!
Твоей печали не искала я, —
Боюсь, ея причиной буду.
(*Дамамъ.*) Что же,
Идемъ со мной, вѣдь, вамъ разрѣшено.

ЛЕОНТЪ.

Прочь съ ней, скорѣй!

(Стража уводитъ королеву, за нею уходятъ дамы.)

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Простите, государь,
Я умоляю васъ — ее верните.

АНТИГОНЪ.

Да, государь, вамъ надо обсудить,
Чтобы не сдѣлалось насильемъ право,

568

Чтобъ важныхъ три лица не пострадали:
Вы сами, королева и нашъ принцъ.

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

За королеву вамъ въ залогъ отдамъ
Всю жизнь мою, когда бъ вы согласились.
Предъ небомъ и предъ вами невиновна
Она въ томъ, въ чемъ ее вы обвинили.

АНТИГОНЪ.

Докажется противное — тогда
Я встану часовымъ у двери спальни
Моей жены и буду вѣрить ей
Не иначе, какъ если осязать
Ее и видѣть буду. Если только
Безчестна королева — ну тогда
Нѣтъ въ женщинахъ частички, чтобъ была
Честна и безупречна: всѣ фальшивы.

ЛЕОНТЪ.

Молчите!

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Государь!

АНТИГОНЪ.

Для васъ я это
Сказалъ, не для себя. Наушникъ злобный
Васъ обмануль. Будь проклятъ, кто сказалъ.
Знай я его, расправился бы съ нимъ.
Она безчестна! у меня три дочки;

Старшой одиннадцать, а двумъ другимъ —
Девятыи годъ и пятыи. Если правда,
Что вы сказали, пусть тогда онѣ
Отвѣтятъ: ихъ способности лишу я
Быть матерями и имѣть дѣтей.
Четырнадцати лѣтъ не доживутъ,
Чтобы плодить потомъ ребятъ безчестныхъ.
Въ нихъ все мое потомство. Но скорѣй
Себя лишу я средства стать отцомъ,
Когда расчетъ на честность поколѣнья —
Ничто!

ЛЕОНТЪ.

Молчите! въ васъ обоихъ нѣтъ
Живого обонянiя; носами
Вы, какъ и мертвые, не въ силахъ нюхать.
Я то же вижу, то же осязаю,
Что вы, но различаю также ясно
И то, чѣмъ различаю.

АНТИГОНЪ.

Если такъ,
То честности могилы не найти,
И нѣтъ такой могилы, чтобъ служила
Земли проклятой украшеньемъ.

ЛЕОНТЪ.

Развѣ
Не вѣрятъ мнѣ?

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

О, государь, простите!
Хотѣлось бы, чтобъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ,
Не вамъ повѣрили. Хотѣлъ бы я,
Чтобъ королевы честь торжествовала
Скорѣй, чѣмъ ваши злыя подозрѣнья.
Хулить меня вамъ воля, государь!

ЛЕОНТЪ.

Какое дѣло мнѣ до мыслей вашихъ,
Влеченю я послѣдую безъ нихъ.
На то король я, чтобы быть во власти,
И только доброта моя даетъ
Вамъ право разсуждать со мной. А если
Вы по притворству, или по природѣ
Не видите того, что вижу я,
Иль не хотите видѣть, все равно,

Сужденья ваши мнѣ совсѣмъ не нужны;
Тутъ дѣло самое, права короны,
Убытокъ или прибыль — все мое.

АНТИГОНЪ.

Тогда осмѣлюсь я замѣтить только,
Что многимъ лучше было бы въ молчаньи
Все дѣло обсудить, не давъ огласки.

ЛЕОНТЪ.

Да развѣ иначе я могъ? Иль ты
Дуракъ съ рожденья, иль отъ долгой жизни.
Камилла бѣгство, нѣжность ихъ обоихъ
(На столько грубая, чтобъ оправдать
Смыслъ подозрѣнья; не хватало только
Одной наглядности, а все другое
Давно въ ней было) — вотъ что привело
Меня къ поступку. Но для убѣжденья
Въ правдивости моей (здѣсь торопливость
Была бы гибельна) гонцовъ послалъ я
Къ дельфійскому оракулу спросить:
Діонъ мой посланъ вмѣстѣ съ Клеоменомъ,
Они надежны оба. Пусть оракуль,
Святой совѣтъ его, внушить, что дѣлать:
Итти ли дальше, иль остановиться.
Скажите, хорошо ли поступилъ?

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Прекрасно, государь!

ЛЕОНТЪ.

Хоть мнѣ довольно
Того, что знаю, больше знать нельзя,
Но для спокойствія другихъ оракуль
Пусть говоритъ, пусть успокоитъ васъ,
Настолько глупыхъ, чтобъ не вѣрить правдѣ.
Отправилъ королеву я въ тюрьму,
Чтобъ прекратить возможность завершенья
Измѣны, обнаружившейся въ тѣхъ
Обоихъ бѣглецахъ. Идемъ со мною.
Намѣрень я народу говорить,
Все это дѣло сильно возбуждаетъ.

АНТИГОНЪ (*въ сторону*).

И смѣхомъ кончится, я смѣю думать,
Какъ только правда къ свѣту путь найдетъ.

СЦЕНА II.

Преддверье тюрьмы.

ПАУЛИНА *съ прислужницами входитъ.*

ПАУЛИНА.

Позвать тюремщика.

(Служитель уходитъ.)

Сказать, кто я.

О, королева! нѣтъ двора въ Европѣ
Достойнаго тебя, такъ что жъ въ тюрьмѣ
Ты дѣлаешь?

(Служитель съ тюремщикомъ входятъ.)

Ты знаешь ли меня?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ты женщина, достойная почтенья, —
И кланяюсь тебѣ.

ПАУЛИНА.

Тогда прошу я,
Чтобъ къ королевѣ ты провелъ меня.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Не смѣю, госпожа! мнѣ данъ приказъ
Отнюдь къ ней никого не допускать.

ПАУЛИНА.

Здѣсь, значить, честность подъ замокъ сажаютъ
И запрещаютъ въ горѣ утѣшать.
Но съ дамами изъ королевской свиты,
Съ Эмилией могу я говорить?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Когда вы прочь прислужницъ удалите,
Я приведу Эмилию тогда.

ПАУЛИНА.

Прошу ее позвать. (Прислужницамъ.)

Вы удалитесь.

(Прислужницы уходятъ.)

ТЮРЕМЩИКЪ.

А я присутствовать обязанъ буду.

ПАУЛИНА.

Ну хорошо, ступай и приведи.

(Тюремщикъ уходитъ.)

Однако какъ же тутъ хотятъ прилежно
Подмалевать невинность! Только краска
Не пристаесть къ ней.

(Входятъ тюремщикъ и Эмилія.)

Что же королева,
Какъ чувствуетъ она себя?

ЭМИЛИЯ.

Такъ бодро,
Какъ можно чувствовать себя, упавъ
Съ большихъ высотъ въ глубокое несчастье.
Печаль и страхъ, какихъ не испытала
Другая женщина, ее сломили, —
Она, не выждавъ срока, родила.

ПАУЛИНА.

Что жъ — мальчика?

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, дѣвочку — красотку,
Веселое и крѣпкое дитя;
И королева тѣшится ребенкомъ,
И, то и дѣло, шепчетъ ей: «бѣдняжка,
Какъ я, невинна и, какъ я, въ тюрьмѣ».

ПАУЛИНА.

Еще бы нѣтъ! Опасное безумье,
Проклятое безумье короля!
Онъ долженъ это знать, и онъ узнаесть,
И сдѣлать это женщинѣ удобнѣй,
И на себя возьму я это. Если
Языкъ мой подсластитъ свои слова,
То пусть присохнетъ онъ къ своей гортани,
И не гласитъ впередъ громовой рѣчью,
Какъ выраженьемъ гнѣва моего.
Эмилія, скажите королевѣ

Что честную хочу я сослужить
Ей службу. Ежели она ребенка
Довѣритъ мнѣ, его я къ королю
Снесу и покажу ему дитя,
И буду съ нимъ безстрашно говорить;
Взглядъ короля — дитя смягчить; невинность
Молчащая — порой сильнѣе словъ.

Эмилія.

Мысль ваша такъ смѣла, и, при извѣстной
Всѣмъ вашей честности и добротѣ,
Исходъ желанный несомнѣнень будетъ.
Нѣтъ женщины, чтобъ лучше васъ сумѣла
Исполнить это важное посольство.
Въ сосѣдней комнатѣ меня дождитесь:
Я королевѣ тотчасъ доложу.
Она имѣла ту же мысль сегодня;
Не смѣла только предложить исполнить
Ее кому-нибудь, боясь отказа.

Паулина.

Скажите ей, что краснорѣчья будетъ
Во мнѣ достаточно, и если только
Мое умѣнье говорить сравнится
Съ порывомъ сердца, что меня влечетъ,
Успѣхъ мой обезпечень.

Эмилія.

Дай-то Богъ!
Иду сказать, а вы поближе будьте.

Тюремщикъ.

Сударыня! когда бы королева
Ребенка вамъ вручила, я не знаю,
Какой опасности подвергнусь я,
Дозволивъ это, не имѣя права!

Паулина.

Не бойся ничего. Ребенокъ былъ
Въ утробѣ матери въ тюрьмѣ, теперь,
Послушный голосу самой природы,
Свободень онъ, и злобѣ короля
Его коснуться нѣтъ совсѣмъ причины;
Виновна мать — когда бъ была вина.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Да, да, конечно.

ПАУЛИНА.

Ничего не бойся:
Между тобой я стану и грозой.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Комната во дворцѣ.

Входятъ ЛЕОНТЬ, АНТИГОНЬ, придворные и служители.

ЛЕОНТЬ.

Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя. Слабость
Моя причиною того, что я
На это дѣло такъ смотрю, и слабость
Тѣмъ большая, что часть вины ихъ общей,
Измѣнница — въ моихъ рукахъ. Король
Бѣжалъ, и я добыть его не въ силахъ,
Зато она во власти у меня.
Когда бы кто сказалъ мнѣ, что огонь
Ее испепелилъ — тогда, быть-можетъ,
Покойнѣй сталъ бы я опять. Кто тамъ?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Я, государь!

ЛЕОНТЬ.

А какъ здоровье сына?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Онъ ночь спокойно спалъ, и есть надежда,
Болѣзнь пройдетъ.

ЛЕОНТЬ.

Что значить: честной крови!
Онъ понялъ матери вину, зачахъ,
Какъ будто часть вины въ себя онъ принялъ,
Лишился сна, веселости; къ ѣдѣ
Охоту потерялъ, и все хилѣеть.

(Служителю.)

Ступай отсюда, погляди, что съ принцемъ.

О, стыдъ какой! не думать бы о немъ;
Чуть вспомню я — тогда всѣ планы мщенья
Какъ будто на меня же упадаютъ.
Король силенъ друзьями и собой:
Его до времени оставить нужно.
Зато она! Камилль и Поликсенъ
Смѣются надо мной, трунять надъ грустью
Не стали бы смѣяться, если бъ я
Достать ихъ могъ обоихъ. Ей смѣяться
Не доведется подъ моей рукой.

(Входитъ Паулина съ ребенкомъ.)

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Нельзя, нельзя, войти сюда нельзя!

ПАУЛИНА.

Вамъ было бы, приличнѣй, господа,
Помочь мнѣ — не мѣшать! Быть можетъ также
Гнѣвъ яростный, тиранство короля
Страшнѣй возможной смерти королевы,
Той королевы, что чиста настолько жъ,
Насколько онъ бессмысленно ревнивъ?

АНТИГОНЪ.

Довольно!

СЛУЖИТЕЛЬ.

Государь не спалъ! Велѣли,
Чтобъ никого не допускать.

ПАУЛИНА.

Однако
Не горячитесь, мой любезный другъ!
Я королю хорошій сонъ несу,
А вы, что залегли вокругъ, какъ тѣни,
И ползаете и стонать готовы,
Чуть онъ вздохнетъ, — вы именно причина
Безсонницы его, а я явилась
Съ цѣлебнымъ словомъ, съ правдою въ душѣ
Чтобы изгнать изъ царскаго сознанья
То, что лишаетъ наслажденій сна.

ЛЕОНТЪ.

Что тамъ за шумъ?

ПАУЛИНА.

Не шумъ, о государь,

Нужда васъ видѣть, для того, чтобъ знать,
Кому быть крестными новорожденной?

ЛЕОНТЬ.

Какъ! вонъ ее! отважная какая!
Тебѣ велѣлъ я, Антигонъ, строжайше
Ее мнѣ на глаза не допускать;
Предчувствовалъ я это посѣщенье.

АНТИГОНЪ.

Я приказалъ ей, государь, не смѣть
Являться. Угрожалъ ей вашимъ гнѣвомъ,
Моимъ...

ЛЕОНТЬ.

И что же? не сумѣлъ сдержать?

ПАУЛИНА.

Сдержалъ бы онъ меня, когда бъ дурное
Имѣла я въ виду (иначе бъ онъ
То сдѣлать долженъ былъ, что вы: отправить
Меня въ тюрьму за то, что я честна);
Но вѣрьте, государь, что въ этомъ дѣлѣ
Ему не уступлю я ни за что.

АНТИГОНЪ.

Смотрите! видите вы сами! Если
Она закусить удила — тогда
Ей дать свободу надо — не споткнется.

ПАУЛИНА.

Я, государь, пришла къ вамъ, чтобы вы
Послушали меня, свою слугу
Вѣрнѣйшую, искуснаго врача,
Совѣтника хорошаго, чтобъ въ васъ
Недугъ вашъ исцѣлить, хотя по виду
На это менѣ способна я,
Чѣмъ многіе изъ вашихъ приближенныхъ.

571

Я къ вамъ пришла отъ доброй королевы!

ЛЕОНТЬ.

Отъ доброй!

ПАУЛИНА.

Да, отъ доброй королевы,
Отъ доброй, повторяю я еще.
И будь мужчиной я, послѣднимъ, низшимъ,
Изъ тѣхъ, что окружаютъ васъ — мечомъ
Я слово подтвердила бы на дѣлѣ.

ЛЕОНТЬ.

Возьмите вонъ ее!

ПАУЛИНА.

Пусть подойдетъ,
Кому глаза не дороги. Уйду я
Своею волею, но сдѣлавъ дѣло.
Вамъ королева дочку родила
И шлетъ ее, чтобъ вы благословили.

ЛЕОНТЬ.

Вонъ съ этой вѣдьмой! вонъ! за двери сводню!

ПАУЛИНА.

О, нѣтъ, не сводня я. Занятъ это
Я знаю такъ же мало, государь,
Какъ вы меня. Настолько жъ я честна,
Насколько вы безумны. О закладъ
Побьюсь, что этого совсѣмъ довольно,
Чтобъ честнымъ быть въ нашъ злополучный вѣкъ.

ЛЕОНТЬ.

Измѣнники! возьмите же ее!
Щенка съ собой ей дайте! (*Антигону.*)
Ты, дуракъ,
Гонимый курицей съ гнѣзда родного,
Возьми щенка и передай ей, дуръ!

ПАУЛИНА.

Тронъ только дѣвочку! и будутъ руки
Твои безчестны разъ и навсегда,
Чуть, вслѣдъ за кличкой этой, прикоснешься.

ЛЕОНТЬ.

Жены боится!

ПАУЛИНА.

Какъ бы я хотѣла,
Чтобы того, чѣмъ такъ испуганъ онъ,
Вы сами испугались, и тогда

Своихъ дѣтей признали бы своими.

ЛЕОНТЪ.

Гнѣздо измѣнниковъ!

АНТИГОНЪ.

Я не измѣнникъ!

ПАУЛИНА.

Ни я, ни кто другой, но съ исключеньемъ
Лишь только одного, того изъ насъ,
Кто честь свою святую, королеву,
И принца, и вотъ этого ребенка
На поруганье людямъ отдаетъ, —
На поруганье, что меча острѣе;
Того изъ насъ (и въ этомъ все проклятье)
Кого никакъ заставить невозможно —
Кто не даетъ намъ корни подозрѣнья
Изъ сердца вырвать, корни столь гнилые,
На сколько прочень дубъ и крѣпокъ камень.

ЛЕОНТЪ.

О! баба съ языкомъ неудержимымъ!
Она сначала мужа поколотить,
Потомъ — меня! Щенокъ вотъ этотъ самый
Не отъ меня — отъ Поликсена. Пусть
Возьмутъ его и мать его и бросятъ
Въ костеръ обоихъ.

ПАУЛИНА.

Это ваша дочь!
И поговорку здѣсь сказать у мѣста:
Дитя до срама на отца похоже.
Смотрите: какъ изданіе ни мелко,
Въ немъ отпечатанъ цѣликомъ отецъ.
Взгляните на глаза, на носикъ, губы,
На складъ бровей, на ротъ, на подбородокъ
Съ его дорожкой, ямочки въ щекахъ,
Улыбка, ручка, пальчики и ногти.
Природа-мать! когда ты сотворила
Дитя вполнѣ по образцу отца,
Создай и душу схожую, всѣ краски
Ты въ ней смѣшай, но только кромѣ желтой,
Чтобы оно, во имя подозрѣнья,
Въ своихъ дѣтяхъ не видѣло чужихъ.

ЛЕОНТЪ.

Безмысленная вѣдьма! Ты же, старый
Бараній лобъ, достоинъ быть повѣшенъ,
Когда зажать ей ротъ не можешь ты.

АНТИГОНЪ.

Когда бы всѣхъ, кто этого не можетъ,
Пришлось повѣсить, государь, немного
У васъ бы подданныхъ осталось.

ЛЕОНТЪ.

Снова
Повелѣваю я ее убрать!

ПАУЛИНА.

Вы хуже, нечестивѣй, незаконнѣй
Всѣхъ государей.

ЛЕОНТЪ.

Сжечь велю тебя!

ПАУЛИНА.

Мнѣ это все равно. Еретикомъ
Окажется не тотъ, кого сожгутъ,
А кто сожжетъ, и васъ назвать тираномъ
Я не хочу, но то, какъ поступили
Вы съ королевою и безъ причины,
А только злomu вымыслу послушны,
Похоже на тиранство; опозорить
Васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ.

ЛЕОНТЪ.

Присягалъ ты
Мнѣ, иль нѣтъ? а если присягалъ —
Гони ее за дверь! Когда бъ тираномъ
Я былъ по правдѣ — ей тогда бъ не жить.

572

Когда бъ меня тираномъ признавала
Она — тогда не смѣла бъ такъ назвать.
Прогнать ее!

ПАУЛИНА.

Уйду, уйду сама...
Вы на дитя взгляните, государь:
То ваше дитятко! Подай Зевесъ

Ему защиту лучшую, чѣмъ вы.
И вашихъ рукъ не надобно мнѣ также,
Льстецы и прихвостни безумья злого.
Никто изъ васъ добромъ ему не служить
Никто, никто! Прощайте, я иду.

(Уходитъ.)

ЛЕОНТЪ.

Измѣнникъ ты: ее ты подучилъ?
Мое дитя? Нѣтъ, вонъ его скорѣе;
Ты именно, ты прочь его тащи;
Къ нему ты сердцемъ добръ — неси же прочь
И кинь въ огонь. Ты, ты, никто другой.
Возьми сейчасъ, и черезъ часъ ты скажешь,
Что все исполнено, какъ я велѣлъ.
Не сдѣлаешь — тогда ты состояньемъ
И жизнью мнѣ отвѣтишь. Если жъ скажешь,
Что, гнѣва моего не испугавшись,
Не можешь ты исполнить, ну, такъ я
Своей рукой пробью ребенку черепъ.
Иди кидай въ огонь; твою жену
Ты подучилъ.

АНТИГОНЪ.

Нѣтъ, государь, не я,
Свидѣтели всѣ тѣ, что здѣсь собрались,
И оправдаютъ, если захотятъ.

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Да, государь, онъ вовсе не виновень.

ЛЕОНТЪ.

Всѣ лжете, всѣ!

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Простите, государь!
Подумайте о слугахъ вашихъ лучше.
Мы честно служимъ, лучшаго достойны.
Всѣ на колѣняхъ просимъ васъ въ награду
За службу нашу прошлую, за службу
Грядущую — рѣшенье отмѣнить.
Оно кроваво и ужасно; страшень
Исходъ быть можетъ. На колѣнахъ мы!

ЛЕОНТЪ.

Что жъ? перышко я, что ли, чтобъ по вѣтру
Вертѣться мнѣ? Не доживу ли я

Того, чтобы щенокъ, вставъ на колѣни
Передо мной, отцомъ бы величалъ?
Нѣтъ, лучше сжечь теперь, чтобы не клясть
Потомъ, съ годами... Но, пускай живетъ;
Да, лучше пусть живетъ! (*Антигону.*)
Поди сюда,
Ты, что такъ нѣженъ съ бабкой Маргаритой,
Своей женой, которая хлопочетъ
Такъ о щенкѣ, прижитомъ незаконно;
Да, незаконно; это такъ же вѣрно,
Какъ то, что борода твоя сѣда.
На что готовъ ты, чтобъ его спасти?

АНТИГОНЪ.

На все готовъ, на все, на что способенъ,
Что честь подскажетъ. Я готовъ отдать
Всю кровь мою, чтобъ защитить невинность,
Все, что возможно.

ЛЕОНТЪ.

То, чего хочу,
Возможно. Поклянись сначала мнѣ,
Что ты исполнишь, какъ тебѣ велю я.

АНТИГОНЪ.

Клянусь вамъ, государь!

ЛЕОНТЪ.

Смотри же, слушай,
И если не исполнишь хоть на іоту,
То будешь ты казненъ и не одинъ,
Съ женой твоей, проклятою болтуньей,
Которой я прощаю. А тебѣ,
Что присягалъ мнѣ и поклялся клятвой,
Повелѣваемъ взять щенка отсюда
И выкинуть въ глухую пустошь, въ поле,
Внѣ царства нашего. Оставишь тамъ
Безъ сожалѣнья подъ защитой неба
И собственной судьбы. Случайно онъ
Попалъ ко мнѣ. Обязанность твоя,
(Спасеніемъ души твоей и тѣла,
Жестокой пыткой, заклинаю я)
Его въ трущобу кинуть, чтобы случай
Его вскормилъ иль умертвилъ. Возьми!

АНТИГОНЪ.

Клянусь исполнить, какъ вы повелѣли,

Хотя бы человѣчнѣй было разомъ
Покончить съ нимъ. Отправимся, дитя
Несчастное! Могучій духъ внушить
Воронамъ, коршунамъ тебя кормить;
Медвѣдь и волкъ порою совершали
Такія службы. Вы же, государь,
Живите счастливей, чѣмъ заслужили
Поступкомъ этимъ. А тебя, дитя,
Да защититъ благословенье неба,
Ты, бѣдное, несомое на смерть.

(Уходитъ съ ребенкомъ.)

ЛЕОНТЪ.

Нѣтъ, чуждаго отродья не хочу
Воспитывать.

(Входитъ служитель.)

СЛУЖИТЕЛЬ.

Тому лишь часъ назадъ
Вернулись Клеомень съ Діономъ; оба
Спѣшатъ къ вамъ, государь, сюда съ рѣшеньемъ
Дельфійскаго оракула.

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Такъ быстро,

573

Невѣроятно быстро возвратились.

ЛЕОНТЪ.

Лишь двадцать третій день они въ пути,
Да, очень быстро. Мощный Аполлонъ
Торопится направить правду къ свѣту.
Вы приготовьтесь тотчасъ къ засѣданью
Судить измѣнницу, мою супругу.
Публично обвиненная при всѣхъ —
Пускай себя публично защищаетъ.
Пока она въ живыхъ, мнѣ нѣтъ покоя.
Ступайте и свершите мой приказъ.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Сицилія. Городская улица.

Входятъ КЛЕОМЕНЬ и ДІОНЬ.

КЛЕОМЕНЬ.

Тамъ климатъ безподобень, воздухъ чистъ,
И островъ плодоносень. Самый храмъ
Красивѣе, чѣмъ даже говорятъ.

ДІОНЬ.

Скажу о томъ, чѣмъ восхищенъ я больше
Всего: одеждъ небесный блескъ (иначе
Сказать о нихъ я не могу) и важность
Жрецовъ достойныхъ. А богослуженье!
Какъ празднично, торжественно и свято
Его свершили.

КЛЕОМЕНЬ.

А поверхъ всего
Оракула глушащій уши голосъ
Сродни громамъ Юпитера; во мнѣ
Сознанье заглушилъ онъ.

ДІОНЬ.

Если только
Исходъ поѣздки нашей счастливъ будетъ
Для королевы (о, когда бы такъ!)
Настолько счастливъ, какъ онъ былъ для насъ
Необычайно быстръ, тогда мы оба
Распорядились временемъ чудесно.

КЛЕОМЕНЬ.

Великій Аполлонъ! веди ко благу!
Не по сердцу мнѣ это оглашенье
По улицамъ того, что навязать
Хотятъ, какъ преступленье, Герміонѣ.

ДІОНЬ.

Вотъ эта рѣзкость именно поможетъ
Все дѣло разъяснить скорѣй и кончить,
Когда узнаютъ то, что подъ печатью
Великій жрецъ отъ взоровъ нашихъ скрылъ —
Слова оракула; они откроютъ
Намъ очень много новаго. Живѣе,
Другихъ коней, на счастливый конецъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Заль суда.

ЛЕОНТЬ, ПРИДВОРНЫЕ и СУДЬИ сидятъ на мѣстахъ.

ЛЕОНТЬ.

Насъ настоящій судъ (признаться долженъ)
Глубоко за сердце хватаетъ, такъ какъ
Виновная, дочь короля, супруга
Моя, любима мной была глубоко.
Свободны мы отъ всякаго упрека
Въ тиранствѣ, такъ какъ судъ публичный этотъ
Пойдетъ законнымъ ходомъ къ обвиненю
Иль къ оправданію ея. Введите
Ее сюда.

СЛУЖАЩИЙ.

Велѣнье короля,
Чтобъ королева предъ судомъ предстала.
Молчанье!

Входитъ ГЕРМІОНА, *сопровождаемая стражею*, ПАУЛИНА и ДАМЫ свиты.

ЛЕОНТЬ.

Прочитай обвиненіе!

СЛУЖАЩИЙ.

Герміона, супруга славнаго Леонта, короля Сициліи, ты обвиняешься въ государственной измѣнѣ и предана суду за то, что ты измѣнила твоей супружеской вѣрности съ Поликшеномъ, королемъ Богеміи, и, заодно съ Камилломъ, посягнула на жизнь нашего царственнаго господина и твоего супруга и что ты, Герміона, такъ какъ умысель твой, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, открылся, помогла имъ обоимъ, въ противность долгу и присягѣ, тѣмъ, что дала совѣтъ и помощь спастись бѣгствомъ въ ночное время.

ГЕРМІОНА.

Такъ какъ все то, что я могу сказать
Простое отрицанье обвиненья
И доказательства другаго нѣтъ,
Какъ то, что я свидѣтельствую лично,
То мало мнѣ сказать: «я не виновна».
Моя невинность, если бъ я ее
Доказывать хотѣла, за обманъ
Была бы принята. Но если Небо
На насъ глядитъ (а въ этомъ нѣтъ сомнѣнья)

Я вѣрю въ то, что краскою стыда
Ложь запыхаетъ, грубое насилье,

574

Въ концѣ концовъ, терпѣнію уступить.
Я знаю, государь (хоть вы, конечно,
Незнающимъ остаться предпочтете)
Что лучше, чѣмъ кому-нибудь другому,
Извѣстна вамъ былая жизнь моя,
Настолько жъ безупречная, насколько
Теперь несчастна я. Подобныхъ дѣлъ
Не видано въ исторіи, не можетъ
Для сцены быть придумано, чтобъ зритель
Былъ потрясенъ до сердца. Посмотрите:
Я раздѣляла ложе съ королемъ,
Владѣла я полъ-царствомъ; я сама
Дочь короля великаго; я мать,
Исполненнаго лучшихъ качествъ принца —
И я должна стоять вотъ здѣсь, предъ всѣми,
И выторговывать себѣ словами
И жизнь, и честь. Нѣтъ, я не дорожу
Своею жизнью, такъ какъ въ ней печаль
Сильнѣй желанья жизни; только честь
Мою должна я передать потомкамъ —
И лишь ее хочу я защитить.
Спросите совѣсть вашу, государь,
На сколько, до пріѣзда Поликсена,
Любили вы меня, и не напрасно.
Когда пріѣхалъ онъ, что совершила
Дурного я, и въ чемъ я погрѣшила,
Чтобъ такъ теперь явиться предъ судомъ
Когда бъ я провинилась противъ чести,
Или въ другомъ сознательномъ проступкѣ,
Пускай сердца всѣхъ тѣхъ, кто это слышитъ,
Окаменѣютъ, и пускай всѣ тѣ,
Кто ближе мнѣ другихъ, меня ославятъ,
Позоромъ заклемятъ мою могилу.

ЛЕОНТЪ.

Я не слыхалъ, чтобы когда-нибудь
Тотъ, кто рѣшился на срамное дѣло,
Въ себѣ нахальства тоже не нашелъ
Настолько, чтобы отрицать, что сдѣлалъ.

ГЕРМИОНА.

Да, правда. Только замѣчанье это
Меня не трогаетъ.

ЛЕОНТЬ.

И въ этомъ тоже
Ты не сознаешься.

ГЕРМИОНА.

Признать нельзя мнѣ
Въ себѣ ошибокъ больше, чѣмъ ихъ есть.
А Поликсенъ (съ которымъ заодно
Я обвиняюсь), признаюсь открыто,
Былъ мной любимъ, какъ онъ того достоинъ,
Но и не иначе, чѣмъ подобаеть
Мнѣ, женщинѣ высокаго рожденья,
Не меньше и не иначе, чѣмъ вы
Любить его велѣли. Если бъ я
Тутъ поступила иначе — была бы
Ослушницею противъ воли вашей,
Неблагодарной передъ тѣмъ, кто съ дѣтства,
Едва залепетавъ, свою любовь
Доказывалъ вамъ всюду, ту любовь,
Которая была отвѣтомъ вашей.
Объ государственной измѣнѣ лучше
Я умолчу, мнѣ вкусъ ея невѣдомъ,
Хотя ея навязываютъ мнѣ.
Я знаю, что Камиллъ всегда былъ честенъ.
Зачѣмъ бѣжалъ онъ? Этого и боги
Не знаютъ, если знаютъ то, что я.

ЛЕОНТЬ.

Тебѣ настолько же извѣстно было
Камилла бѣгство, какъ и то, что ты
Хотѣла сдѣлать вслѣдъ за этимъ бѣгствомъ.

ГЕРМИОНА.

Языкъ вашъ, государь, мнѣ непонятенъ,
Вся жизнь моя во власти вашихъ словъ,
Я отдаю ее охотно.

ЛЕОНТЬ.

Снились
Твои поступки мнѣ. Ты прижила
Ребенка съ Поликсеномъ — это тоже
Ничто, какъ сонъ. Ты безъ границъ безстыдна
(Безстыдство — признакъ всѣхъ, тебѣ подобныхъ),
Тебѣ безстыдство ни по чемъ, настолько жъ,

Насколько правда ни по чемъ, но это
Тебѣ невыгодно, хоть и идетъ.
И какъ щенокъ твой выкинуть былъ мной,
Щенокъ, лишь только на себя похожій
И не имѣющій отца (въ чемъ онъ,
Конечно, менѣ тебя виновень),
Такъ точно ты, почувствовать должна
Мощь приговора нашего, въ которомъ
Казнь будетъ выраженьемъ самымъ слабымъ.

ГЕРМИОНА.

Съ угрозой, государь, остановитесь.
Тотъ приговоръ, что долженъ испугать
Меня — его я жажду. Жизнь не въ радость
Съ тѣхъ поръ, когда вѣнецъ той жизни — ваша
Любовь ко мнѣ погибла навсегда.
Я чувствую, какъ та любовь погибла,
Не знаю почему. Другое счастье,
Которое имѣла я — мой сынъ,
Онъ спрятанъ отъ меня, какъ отъ заразы.
А третье утѣшеніе мое,
Малютку, подъ несчастною звѣздою
Рожденную, съ чистѣйшимъ молокомъ
Моимъ, въ чистѣйшемъ ротикѣ — отъ груди
Нежданно оторвали, чтобъ убить.
И я сама у каждаго угла,
Прославленная женщиной развратной,
Въ жестокости неслыханной лишилась

575

Въ тяжелый часъ родинъ тѣхъ правъ призрѣнья,
Которыхъ не лишаютъ никого.
И, наконецъ, еще не укрѣпившись,
Сюда привлечена на свѣжій воздухъ.
Да, государь, теперь скажите сами,
Какое счастье въ жизни ждетъ меня,
Чтобъ смерти мнѣ бояться. Продолжайте,
Но знайте только, не толкуя вкривь
Правдивыхъ словъ моихъ, — не жизнь мою,
А только честь мою желаю я спасти.
Когда меня лишь въ силу подозрѣнья
Приговорятъ и вмѣсто доказательствъ
Одни лишь ваши подозрѣнья будутъ
За доказательства считаться, ну, тогда

Жестокость въ этомъ будетъ — не законъ;
Прочтите, что сказалъ оракуль. Пусть
Моимъ судьею будетъ Аполлонъ.

1-й Придворный.

Желаніе законное вполнѣ
И потому пусть принесутъ сюда
И огласятъ во имя Аполлона
Слова его оракула.

(Нѣсколько служащихъ уходятъ.)

Герміона.

Моимъ
Роднымъ отцомъ былъ русскій императоръ.
Когда бъ онъ былъ еще въ живыхъ и слышалъ
Допросъ судей и видѣть могъ очами
Моей тоски великой глубину,
Очами добрыми — не взглядомъ мести!

(Служащіе входятъ съ Клеоменомъ и Діономъ.)

1-й Судья.

Діонъ и Клеомень, клянитесь оба
Надъ правосудія мечомъ, что вы
Въ далекихъ Дельфахъ были и оттуда
Вотъ это изреченье принесли
Оракула, которое у васъ
Въ рукахъ хранится подъ печатью, и
Вамъ вручено жрецами Аполлона
Что вы печати этой не касались
И тайны, вамъ врученной, не прочли.

Клеомень и Діонъ.

Клянемся.

Леонтъ.

Ну, тогда печать взломайте
И прочитайте.

Судья *(читаетъ)*.

Герміона непорочна, Поликсенъ безупреченъ, Камилль — вѣрный подданный, Леонтъ ревнивый тиранъ, его невинное дитя вполнѣ законно, и король будетъ жить не имѣя наслѣдника, если то, что потеряно, не найдется снова.

Всѣ.

Хвала и слава богу Аполлону!

ГЕРМІОНА.

Хвала ему!

ЛЕОНТЬ.

Да такъ ли ты прочель?

СУДЬЯ.

Да, государь, прочель я очень вѣрно.

ЛЕОНТЬ.

Тогда и самъ оракулъ намъ солгалъ!
Обманъ одинъ! Пусть продолжаетъ судъ
Разборъ, какъ слѣдуетъ.

(Служитель входитъ поспѣшно.)

СЛУЖИТЕЛЬ.

Мой государь!

ЛЕОНТЬ.

Въ чемъ дѣло?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Государь! я буду ненавистенъ
Вамъ навсегда за тягостную вѣсть!
Вашъ сынъ, изъ страха за исходъ суда
Надъ королевой-матерью, скончался.

ЛЕОНТЬ.

Какъ! умеръ?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Умеръ!

ЛЕОНТЬ.

Гнѣвенъ Аполлонъ!
И небомъ пораженъ я за неправду.

(Королева падаетъ въ обморокъ.)

Что съ королевой?

ПАУЛИНА.

Эта вѣсть была
Смертельна для нея; — вы посмотрите,
Что можетъ смерть!

ЛЕОНТЬ.

Несите прочь ее —

Она подъ гнетомъ сердца опустила —
Она поправится. Я подозрѣнью
Довѣрился не въ мѣру. Я прошу васъ:
Ее верните къ жизни вы своимъ
Нѣжнѣйшимъ попеченьемъ. Аполлонъ!
Прости меня за тяжкую обиду

(Паулина и придворныя дамы выносятъ королеву.)

Оракула. Хочу я съ Поликшеномъ
Вновь дружбу заключить, хочу я снова
Сойтись съ женой, позвать назадъ Камилла,
И объявить, что честенъ онъ и добръ.
Я ревностью моей подвигнуть былъ
На замыслы убійства и отмщенья;
Камилла выбралъ я своимъ орудьемъ,
Чтобъ Поликсена отравить, и было бъ

576

Мое желанье свершено, но онъ
Замедлилъ исполненьемъ, не смотря
На то, что я награду обѣщаль,
А при отказѣ казнь ему пророчилъ.
Глубоко честный, гостю онъ открылъ
Мой планъ, свои богатства всѣ покинулъ,
Богатства цѣнныя, какъ всѣмъ извѣстно,
И, гордый только честью, отдался
Большимъ случайностямъ судьбы и бѣгства.
О, какъ сіяетъ ярко онъ сквозь копоть,
Меня покрывшую! Кажусь чернѣй,
При ясномъ свѣтѣ всѣхъ его достоинствъ.

(Паулина возвращается.)

ПАУЛИНА.

О горе къ горю! поясъ развяжите,
Чтобъ сердце этотъ поясъ не порвало,
Само не разорвалось!

1-й ПРИДВОРНЫЙ.

Что случилось?

ПАУЛИНА.

Ну, что ты теперь придумаешь, тиранъ,
Ты для меня? Какія муки, казни,
Колеса, острія? Варить въ свинцѣ

И въ маслѣ кипятить, терзать и рѣзать
На части! говори, какія пытки
Изобрѣтешь ты для меня, когда
За слово каждое мое достойна
Я самой злѣйшей пытки? Посмотри:
Твое тиранство съ ревностью вдвоемъ
Безумны такъ, что малому мальчишкѣ,
Дѣвчонкѣ глупой даже не подѣ стать!
Взгляни на то, что вышло; обезумѣй,
Да, обезумѣй до конца! Что было
До этого, то — только лишь приправа
Къ послѣднему, что сдѣлалъ ты. Ничто
Твоя измѣна Поликсену: это
Простая слабость и неблагодарность;
Ничто, что ты Камилла направлялъ
Къ цареубійству — это все ничто
Въ сравненіи съ остальнымъ. Ты дочь свою
Воронамъ выкинулъ на пропитанье,
Какъ, мелочь вздорную, хотя бѣ самъ дьяволъ,
Скорѣй, чѣмъ сдѣлать это — пролилъ бы воду
Изъ пламени. Не одному тебѣ
Смерть принца я кидаю обвиненьемъ,
Того любимаго глубоко принца,
Чье сердце доброе (добрѣй, чѣмъ должно,
Въ такіе годы) не могло снести
Позора матери своей честнѣйшей,
Поруганной неистовымъ отцомъ.
Тебя виню я не за это только.
Послѣднее изъ дѣлъ, о! плачьте всѣ,
Всѣ, кто меня здѣсь слышитъ, плачьте горько,
Чистѣйшіе изъ всѣхъ земныхъ существъ,
Жить перестала наша королева —
И небеса еще въ раздумьи — мстить!

1-й Придворный.

Да защитятъ насъ боги.

Паулина.

Умерла,
Клянусь вамъ въ этомъ, сами посмотрите,
Коль клятвѣ вы не вѣрите. Когда бы
Могли вы блескъ глазамъ ея вернуть,
Губамъ окраску и дыханье груди,
Вамъ, какъ богамъ, молиться бѣ стала я!
А ты, тиранъ! раскаянье — гони;
Поступокъ твой такъ страшень, что печалью,

Раскаяньемъ его не искупить.
Отчаянье — вотъ что тебѣ осталось.
Хоть тысячу молитвъ пошли ты къ небу,
Хоть десять тысячъ лѣтъ томись нагой,
Надъ голою скалой и въ вѣчной бурѣ,
Постись всю зиму напролетъ — но боги
Къ тебѣ очей своихъ не обратятъ.

ЛЕОНТЪ.

Ну дальше, дальше! вдалась не сумѣешь
Меня ты клясть — я это заслужилъ.

ПРИДВОРНЫЙ (*Паулина*).

Ты замолчишь ли? Въ томъ, что тутъ случилось,
Повинень дерзкій твой языкъ.

ПАУЛИНА.

Жалѣю!
И въ сдѣланной ошибкѣ сознаюсь.
Я женщина, я увлеклась по-женски;
Поранено въ немъ сердце глубоко.
Случившагося намъ не измѣнить,
Прошу васъ, государь, не оскорбляйтесь
Словами, сказанными мной; велите
Мнѣ наказанье понести за то;
Что я напомнила о томъ, что нужно
Скорѣ позабыть. Вы мнѣ простите,
Безумной бабѣ, — королеву я
Любила, — вотъ опять болтать пустилась
Ненужное, — не буду говорить
О ней, о дѣтяхъ вашихъ и о мужѣ
Потерянномъ моемъ. Своимъ терпѣньемъ
Меня принудить государь молчать.

ЛЕОНТЪ.

Ты говорила очень хорошо,
И правда мнѣ пріятнѣй сожалѣнья.
Прошу тебя — ты проводи меня
Къ гѣламъ усопшимъ сына и супруги.
Въ одну могилу заключать обоихъ,
И пусть читается надъ ними вѣчно
Причина смерти — моего стыда.
Я буду каждый день ихъ посѣщать,
И слезы тѣ, что буду проливать
Надъ ними, мнѣ отнынѣ будутъ
Единымъ утѣшеньемъ и, насколько
Природа покаянія такого

Не возбранитъ мнѣ, буду совершать

577

Его по обѣщанью. А теперь
Веди туда, гдѣ мой обѣтъ свершится.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Богемія, пустынный берегъ моря.

Входятъ АНТИГОНЬ *съ малюткой на рукахъ и* МАТРОСЬ.

АНТИГОНЬ.

Такъ ты увѣренъ въ томъ, что нашъ корабль
Присталъ къ Богеміи?

МАТРОСЬ.

Да, это вѣрно.
Но, кажется, не въ добрый часъ пристали
Мы къ берегу: собирается гроза,
И небо нашему дѣянью непривѣтно,
Озлобилось!

АНТИГОНЬ.

Его на это воля!
Ты къ судну возвратись и береги
Его, а я — окликнуть не замедлю.

МАТРОСЬ.

Поторопитесь, но остерегайтесь
Забратся въ глубь страны: здѣсь много звѣря,
И близится гроза.

АНТИГОНЬ.

Ну, хорошо, ступай,
А я вернусь.

МАТРОСЬ.

Какъ счастливъ буду я,
Отдѣлавшись отъ этакого дѣла.

(Матросъ уходитъ.)

АНТИГОНЬ.

Ты, бѣдное дитя! не разъ слыхалъ я
(Не вѣрю только этому), что души
Умершихъ возвращаются. Коль это
Не ложь — то видѣлъ я минувшей ночью
Твою родную мать. Не можетъ быть
Такъ ясенъ сонъ, какъ было то видѣнье.
Я видѣлъ: существо ко мнѣ явилось
И голову склоняло къ сторонамъ,
То такъ, то этакъ. Никогда еще
Мнѣ не случалось видѣть столько грусти
И столько гордаго достоинства въ обличьи.
Вся въ бѣломъ, подошла она къ каютѣ
Моей, въ которой я дремалъ, и трижды
Ко мнѣ она склонялась и вздыхала,
И говорить хотѣла, и изъ глазъ,
Какъ два ручья, струились слезы. Будто
Оправившись, она проговорила:
«Мой добрый Антигонъ, тебѣ судьба
Назначила, твоей противно волѣ,
Сгубить мое дитя, и ты поклялся
Свершить. Бѣ Богеміи пустынь не мало;
Покинь мое дитя. Пусть плачетъ горько,
Пускай кричитъ; и такъ какъ ей судьба
Потерянной считается, назови
Ее Пердитой. А за то, что ты
Свершишь неслыханное, ты Паулины,
Своей жены, не узришь никогда».
И, испуская жалобные крики,
Она исчезла въ воздухѣ. Испуганъ
Съ трудомъ собралъ я мысли и подумалъ,
Что то не сонъ, а правду я видалъ.
Сонъ — пѣна! но на этотъ разъ хочу
Быть суевѣрнымъ, и хочу исполнить —
Что сонъ велѣлъ. Мое соображенъе,
Что Герміона умереть должна.
Мнѣ Аполлонъ даетъ приказъ малютку,
Потомство Поликсена, положить
Въ Богеміи, въ странѣ ему родной.
На жизнь иль смерть! цвѣти же, мой цвѣточекъ.

(Кладетъ ребенка.)

Кладу тебя вотъ тутъ и имя тоже
Твое съ тобой, а вотъ еще прибавка,

(Кладетъ узелокъ.)

На случай если счастье улыбнется,

И сохранится онъ, съ тобою будетъ.
Однако буря близится; прощай же,
Бѣдняжечка, отвѣтчица за мать,
Назначенная смерти иль печалямъ.
Я плакать не могу, но сердце тяжко.
Проклятье мнѣ за то, что я поклялся
Исполнить повелѣніе! Однако
День все мрачнѣй становится — быть можетъ,
Ты пѣсню колыбельную услышишь
Ужасную. Я право не видалъ
Подобной тьмы небесъ. Но что за крикъ!
О, если бы на кораблѣ мнѣ быть!
Охота! звѣри дикіе! я гибну!

(Убѣгаетъ, преслѣдуемый медвѣдемъ.)

Старый Пастухъ входитъ.

ПАСТУХЪ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы не было возрастовъ между десятью и двадцатью тремя годами, чтобы юноши просыпали все это время, потому, что за все это время они ничего другаго не дѣлаютъ, какъ беременять женщинъ, сердятъ стариковъ, дерутся, воруютъ. Сообразите: ну, кто же, какъ не этикіе девятнадцати или двадцатидвухлѣтніе сорви-головы, могутъ охотиться въ такую погоду. Они загнали у меня двухъ лучшихъ овецъ, которыхъ, я боюсь, скорѣе отыщеть волкъ, чѣмъ ихъ хозяинъ; если еще можно найти ихъ гдѣнибудь, такъ это на морскомъ берегу, гдѣ они плющъ объѣдаютъ. Вотъ если бы счастье

578

помогло... Это что такое? *(поднимаетъ ребенка)*. Спасибо! запеленатый малютка! Мальчикъ или дѣвочка? Хорошенькая, очень хорошенькая! Навѣрно, чтонибудь грѣховное. Хотя я и не ученый, а думаю, что тутъ не обошлось безъ горничной. Это какое-нибудь ковровое, шкапное или задверное произведение. Родители были, конечно, погорячѣе, чѣмъ это бѣдное созданище. Я приму ее. Подожду только сына. Онъ только что откликнулся. Гола! Эй!

Входитъ Клоунъ.

КЛОУНЪ.

Гола! Эй!

ПАСТУХЪ. Да ты здѣсь близко. Если хочешь посмотрѣть на штучку, о которой много будутъ говорить, когда ты давно умрешь и сгніешь, — поди сюда. Что съ тобой, пріятель?

КЛОУНЪ. Двѣ вещи видѣлъ я на морѣ и на сушѣ. Но я не могу сказать — море, потому что оно теперь небо. Между небомъ и моремъ не просуну я теперь булавки.

ПАСТУХЪ. Да что же ты видалъ, пріятель?

КЛОУНЪ. Хотѣлъ бы я, чтобы ты самъ видѣлъ, какъ оно гудить, мечется и бьетъ въ берега! но все это еще ничего. Какъ ужасенъ былъ крикъ этихъ моряковъ! То были они видны, то нѣтъ. То проткнетъ корабль своею мачтою мѣсяць, то скроется въ пѣнѣ и волнахъ, какъ если бы кто бросилъ пробку въ бочку съ бродящею жидкостью. А на землѣ видѣлъ я, какъ медвѣдь ему плечо отгрызъ, какъ онъ кричалъ, звалъ меня на помощь, называлъ себя Антигономъ и дворяниномъ. Но, чтобы кончить съ кораблемъ скажу, что онъ погибъ, а люди кричали, а море смѣялось надъ ними, а несчастный дворянинъ выль, а медвѣдь его высмѣивалъ, и оба выли громче моря и непогоды.

ПАСТУХЪ. Но, Господи, когда же ты все это видѣлъ?

КЛОУНЪ. Сейчасъ, минуты не прошло; люди не успѣли еще похолодѣть подъ водою, а медвѣдь дворянина не съѣлъ и на половину, онъ еще жретъ его.

ПАСТУХЪ. Будь я притомъ, я помогъ бы старику.

КЛОУНЪ (*про себя*). А я бы хотѣлъ, чтобы вы были подлѣ корабля и помогли ему, тогда бы ваша жалость не стояла на твердомъ днѣ.

ПАСТУХЪ. Плохія исторіи, плохія! но посмотри сюда. Перекрестись! ты видишь людей, когда они гибнуть, а я нахожу такихъ, которые только что родились. Тутъ есть, что посмотреть тебѣ. Видишь: эти пеленки пригодны дитяти дворянскаго рода. Да смотри же, подними вотъ это, развяжи. Взглянемъ, что тамъ такое? Феи сказали мнѣ, что буду богатъ. Это подкидышь. Развязывай, что тамъ?

КЛОУНЪ. Ну, старикъ, вы счастливецъ; если вамъ простятся грѣхи молодости, то вы можете жить отлично. Золото, только золото!

ПАСТУХЪ. Это золото Фей, пріятель, и такимъ оно и скажется. Забирай его скорѣе и скорѣй домой, кратчайшей дорогой. Мы счастливцы съ тобой, и если хотимъ остаться такими, надобно молчать. Пропадай овцы. Идемъ, гдѣ поближе.

КЛОУНЪ. Ступайте вашей кратчайшей дорогой съ вашею находкою, а я хочу пойти посмотреть, какую часть дворянина съѣлъ медвѣдь. Медвѣди злы только когда голодны; если что отъ дворянина осталось, я схороню.

ПАСТУХЪ. Это хорошее дѣло. Если по тѣмъ остаткамъ, что отъ него сохранились, можно судить о томъ, кто онъ, такъ позови и меня посмотреть.

КЛОУНЪ. Хорошо, и ты поможешь мнѣ закопать его.

ПАСТУХЪ. Счастливый для насъ день, пріятель. Почтимъ его добрыми дѣлами.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входитъ ВРЕМЯ какъ хоръ.

Я многимъ нравлюсь, зло съ добромъ мѣшаю,
Въ веселіи и страхъ разрѣшаю
Ошибки тѣ, что мною жъ созданы.
Я — Время. Отъ того, что крылья мнѣ даны,

Я расправляю ихъ. И вы меня простите:
Шестнадцать лѣтъ со мной перелетите,
Не замѣчая вовсе на лету,
Чѣмъ я наполню эту пустоту.
Я — Время. Я въ единый часъ дерзаю
Законъ создать и рушить; я желаю
Остаться тѣмъ, чѣмъ я отъ вѣка есть.
Я завѣренъ вамъ могу принести,
Что, какъ и все надъ этою землею,
И Время самое — оно создано мною.
Самоновѣйшимъ въ были бытія
Васъ ослѣпить имѣю силу я,
Какъ въ этой сказкѣ. Если разрѣшите
Часы переверну я. Посмотрите:

579

Вамъ этой сцены вовсе не узнать;
Вамъ довелось какъ будто бы проспать.
Леонтъ, отъ ревности излѣченъ, весь печали
Глубокой преданъ. Изъ далекой дали
Прошу въ Богемію перенестись. Досель
Разъ былъ помянутъ мною Флоризель,
Сынъ короля. Я о Пердитѣ тоже
Вамъ расскажу, какъ разцвѣла пригоже;
Но, впрочемъ, не хочу опережать
Своимъ рассказомъ. Времени ль не знать,
Когда и что открыть? Она не болѣ,
Какъ скромная пастушка въ чистомъ полѣ;
Что дальше будетъ, думаю открыть;
Теперь прошу внимательными быть,
И если время вамъ терять случалось,
Какъ это съ вами тутъ сегодня стало,
Вамъ Время можетъ только пожелать
Его не хуже этого терять.

(Уходитъ.)

СЦЕНА I.

Богемія. Залъ во дворцѣ Поликсена.

Входитъ Поликсенъ и Камилль.

Поликсень. Прошу тебя, любезный Камилль, не проси меня больше. Мнѣ хуже, чѣмъ заболѣть — отказать тебѣ, а исполненіе этой просьбы было бы моею смертию.

Камилль. Прошло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ мою родину; если мнѣ пришлось провести большую часть жизни внѣ ея, то мнѣ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ, чтобы мои кости въ ней почивали. Кромѣ того, раскаивающійся король, мой повелитель, присылалъ за мною; въ его глубокой печали хотѣлъ бы я служить ему хотя малымъ утѣшеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, воображаю, что былъ бы таковымъ; и это вторая причина, понуждающая меня къ отъѣзду.

Поликсень. Насколько ты меня любишь, Камилль, не уничтожай всѣхъ твоихъ заслугъ тѣмъ, что покинешь меня въ настоящую минуту; твоя собственная доброта причина того, что я не могу больше обойтись безъ тебя; лучше бы было мнѣ никогда не знать тебя, чѣмъ теперь лишиться. Ты началъ для меня дѣла, которыхъ никто, кромѣ тебя, кончить не можетъ такъ, какъ слѣдуетъ; поэтому ты долженъ или остаться и самъ ихъ кончить, или взять съ собою всѣ дѣйствительныя твои заслуги, для меня совершенныя. Если я цѣнилъ ихъ недостаточно высоко (а достаточно высоко цѣнить ихъ не могу), то отнынѣ буду я стремиться быть болѣе благодарнымъ, и доказательства дружбы моей, которыя считаю я своею прибылью, умножить. О проклятой Сициліи, прошу тебя, не говори мнѣ никогда больше. Одно имя ея наказываетъ меня воспоминаніемъ о раскаивающемся, какъ ты его называешь, и примиренномъ королѣ, моемъ братѣ. На потерю его безцѣнной королевы и дѣтей слѣдуетъ смотрѣть съ грустью, такъ, какъ бы это только что совершилось. Скажи, когда видѣлъ ты въ послѣдній разъ моего сына Флоризеля? Короли не менѣе несчастны, когда они имѣютъ недостойныхъ дѣтей, чѣмъ тогда, когда они теряютъ тѣхъ, которые уже проявили свои добродѣтели.

Камилль. Я, государь, видѣлъ принца три дня тому назадъ. Въ чемъ улыбается ему счастье теперь, я не знаю, но узналъ съ неудовольствіемъ о томъ, что онъ, съ нѣкотораго времени, часто отлучается отъ двора и занимается менѣе ревностно, чѣмъ прежде, исполненіемъ своихъ высокихъ обязанностей.

Поликсень. И я замѣтилъ то же самое, Камилль, и не безъ безпокойства; поэтому, между слугъ моихъ имѣю я нѣсколькихъ соглядатаевъ, которые за нимъ, въ его отсутствіе, наблюдаютъ. Отъ нихъ узналъ я, что онъ рѣдко минуетъ домъ какого-то совсѣмъ простаго пастуха, который, какъ сообщаютъ, и чего никакъ не могутъ объяснить себѣ его сосѣди, изъ совершеннаго ничтожества, сдѣлался вдругъ неизмѣримо богатымъ.

Камилль. Я слышалъ, государь, о подобномъ человѣкѣ, имѣющемъ дочь необычайной красоты; ея извѣстность слишкомъ велика, чтобы предположить распространеніе этой извѣстности изъ такой простой хижины.

Поликсень. У меня такія же свѣдѣнія, и я боюсь, что въ этомъ именно та удочка, которая тянетъ туда моего сына. Ты долженъ проводить меня въ это мѣсто. Мы должны предстать не такими, кто мы на самомъ дѣлѣ есть, и займемся немного распросами пастуха; его простота скоро выдастъ себя и

легко объяснить намъ причину посѣщеній моего сына. Прошу тебя, помоги мнѣ въ этомъ дѣлѣ и всѣ мысли твои о Сициліи брось.

КАМИЛЛЪ. Съ удовольствіемъ исполню ваше повелѣніе.

ПОЛИКСЕНЬ. Мой добрый Камилл! — Намъ надо теперь переодѣться.

(Уходятъ.)

580

СЦЕНА II.

Дорога близъ жилища пастуха.

АВТОЛИКЪ *(Входитъ, распѣвая)*.

Когда нарциссы зацвѣтутъ
И выйдетъ дѣвушка плясать,
Весна сіяетъ тутъ какъ тутъ,
И кровь стремится жить опять.
Холсты бѣлѣютъ вдоль дворовъ,
И птицы звучно такъ поютъ,
Весна веселье для воровъ;
Они, что государи, пьютъ.
Вотъ жаворонковъ пѣсни кругомъ,
И длинноклювый дроздъ стучитъ;
На сѣнѣ съ дѣвушкой вдвоемъ
Мы слышимъ, какъ все голоситъ.

Я служилъ въ свое время при принцѣ Флоризелѣ и носилъ бархатное одѣяніе; теперь гуляю безъ дѣла.

Но я на это не гляжу.
Дружокъ! блеститъ луна,
Я смѣло вдоль дворовъ брожу,
Моя растетъ казна.
Когда тряпичникъ за старьемъ
Гуляетъ въ добрый часъ,
Такъ чѣмъ же мы не съ ремесломъ?
Пусть ловитъ сотскій насъ.

Я ворую простыни; когда коршунъ вѣтъ гнѣздо — смотрите за вашимъ бѣльемъ. Отецъ мой назвалъ меня Автоликомъ; онъ былъ, подобно мнѣ, рожденъ подъ созвѣздіемъ Меркурія и такимъ же мелкимъ воришкой, какъ я. Играю я въ кости и играю съ женщинами; этимъ пріобрѣлъ я свои лохмотья, и мои доходы состоятъ изъ невинныхъ мошенничествъ. Висѣлицы и разбой на большой дорогѣ слишкомъ сильны для меня; разбои и повѣшенье внушаютъ

мнѣ страхъ; что же касается до будущей жизни, то эту мысль я стараюсь проспять. Пожива, пожива!

(Входитъ Клоунъ.)

Клоунъ. Посчитаемъ: каждый разъ одиннадцать барановъ даютъ двадцать восемь фунтовъ шерсти; каждый фунтъ шерсти стоитъ фунтъ стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ; полторы тысячи барановъ острижено — сколько же принесетъ намъ шерсть?

Автоликъ *(въ сторону)*. Если силокъ выдержитъ — птица моя.

Клоунъ. Мнѣ этого безъ счетовъ не счесть. Что же куплю я однако на праздникъ стрижки? три фунта сахару, пять фунтовъ коринки и рису. Для чего нуженъ моей сестрѣ рисъ? Отецъ назначилъ ее распорядительницей праздника, и она хочетъ имѣть свою выгоду отъ этого. Она приготовила двадцать-четыре букета для тѣхъ, кто будетъ стричь овецъ. Трое изъ нихъ отличные пѣвцы; но все больше тенора и басы; одинъ только изъ нихъ Пуританинъ — и поетъ подъ волынку псалмы. Мнѣ нуженъ шафранъ, чтобы придать желтизны пирогамъ, начиненнымъ грушами. Мускатнаго цвѣту — финиковъ — нѣтъ на запискѣ; мускатныхъ орѣховъ семь, одинъ или два инбирныхъ корня; ну — эти я и даромъ получу; четыре фунта черносливу и столько же крупнаго изюму.

Автоликъ *ъ (валяясь на землю)*. Охъ! зачѣмъ только родился я!

Клоунъ. Господи, что это такое?

Автоликъ. О! спасите, спасите меня! сдерите съ меня эти лохмотья, а потомъ умереть, умереть!

Клоунъ. Бѣднякъ! тебѣ бы прибавить что къ лохмотьямъ, а не то что сдирать послѣдніе.

Автоликъ. Ихъ нечистота, господинъ, оскорбляетъ меня болѣе, чѣмъ побои, мною полученные, а ихъ было миллионъ побоевъ, и они были крѣпки.

Клоунъ. Бѣдняга! миллионъ побоевъ, это должно быть очень много.

Автоликъ. Меня, господинъ, обокрали, да, кромѣ того, поколотили; отъ меня отобрали деньги и одежду и одѣли въ эти отвратительные лоскуты.

Клоунъ. Кто же сдѣлалъ это — пѣшій или конный?

Автоликъ. Пѣшій, господинъ, пѣшій!

Клоунъ. Должно быть это былъ дѣйствительно пѣшій, если судить по платью, которое онъ тебѣ оставилъ. Если это камзолъ всадника, такъ онъ продѣлалъ, должно быть, горячую службу. Давай руку, я помогу тебѣ встать; давай руку.

(Помогаетъ ему встать.)

Автоликъ. Ой! осторожнѣй, осторожнѣй, господинъ.

Клоунъ. Бѣдняга!

Автоликъ. Ой! тише, господинъ. Боюсь, что у меня вывихнута ключица.

Клоунъ. Ну, что же? можешь ты стоять?

Автоликъ. Осторожнѣй, господинъ! *(опорожняетъ ему карманъ)*! пожалуйста, осторожнѣй! вы оказали мнѣ сердечную услугу.

Клоунъ. Не нужно ли тебѣ немного денегъ? у меня есть для тебя мелочь.

Автоликъ. Нѣтъ, добрый господинъ, не надо, не надо, прошу васъ. Въ трѣхъ

581

четвертяхъ мили отсюда живетъ мой родственникъ, къ которому я шелъ. Тамъ получу я деньги и все, что мнѣ нужно. Пожалуйста, не предлагайте мнѣ денегъ: это оскорбляетъ меня.

Клоунъ. Что же это былъ за человѣкъ, который ограбилъ тебя?

Автоликъ. Человѣкъ этотъ, насколько знаю, шатается съ Фортункой; прежде зналъ я его за лакея у принца; не знаю, за которую изъ добродѣтелей своихъ, но вѣрно то, что его прогнали отъ двора батогами.

Клоунъ. Ты хочешь сказать: за который изъ пороковъ; нѣтъ добродѣтели, прогоняемой отъ двора батогами; ея тамъ любятъ, и хотѣли бы удержать, но она гоститъ всегда только проѣздомъ.

Автоликъ. Я, дѣйствительно, хотѣлъ сказать за порокъ. Я знаю этого человѣка отлично; съ того времени таскался онъ съ обезьяною, затѣмъ былъ на послугахъ въ судѣ, приказнымъ; затѣмъ давалъ кукольные представленія на сюжетъ блуднаго сына, женился на женѣ странствующаго мѣдника, всего въ одной милѣ отъ моего хозяйства, и, потомъ, продѣлавъ разнаго рода мошенническія штуки, установился окончательно на воровствѣ; нѣкоторые зовутъ его Автоликомъ.

Клоунъ. Палачъ бы взялъ его! поклянусь, что это совсѣмъ законченный воръ. Онъ шляется по ярмаркамъ, праздникамъ, по медвѣжьимъ травлямъ.

Автоликъ. Да, господинъ, да! это именно тотъ. Онъ именно одѣлъ меня въ это одѣяніе.

Клоунъ. Нѣтъ другого, болѣе тонкаго мазурика во всей Богеміи. Стоило тебѣ только взглянуть на него построже, да плюнуть въ него, такъ онъ бы и самъ убѣжалъ.

Автоликъ. Долженъ признаться вамъ, господинъ, что я не изъ храбрыхъ; что касается до этого, то это, дѣйствительно, моя слабая сторона, и, побьюсь о закладъ, что мошенникъ зналъ это.

Клоунъ. Ну каково тебѣ теперь?

Автоликъ. Гораздо лучше, чѣмъ прежде; могу стоять, могу итти; хочу теперь проститься съ вами и направиться потихоньку къ моему родственнику.

Клоунъ. Не вывести ли тебя на дорогу?

Автоликъ. Нѣтъ, мой прекрасный, мой добрый господинъ.

Клоунъ. Ну, такъ будь здоровъ! я долженъ пойти и купить всякихъ пряностей для праздника стрижки нашихъ барановъ.

Автоликъ. Желаю вамъ счастья, господинъ! *(Клоунъ уходитъ.)* Вашъ кошелекъ недостаточно согрѣтъ, чтобы покупать пряности. Я тоже хочу быть на вашемъ праздникѣ. Если мнѣ изъ моего перваго мошенничества не народится второе и я не обращаю людей стригущихъ барановъ въ барановъ, ну тогда записывайте мое имя въ списки добродѣтельныхъ.

Тропинкою впередъ, впередъ,

Что бѣ веселы мы были!
Кто весель — цѣлый день идетъ,
Кто хмурь — нейдетъ и мили.

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Тамъ же, хижина пастуха.

Входятъ ФЛОРИЗЕЛЬ и ПЕРДИТА.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Въ одеждѣ непривычной для тебя,
Еще прелестнѣй тѣла очертанья.
Нѣтъ не пастушка — Флора! ты — весна
Въ расцвѣтѣ! и собранье стригачей
Мнѣ кажется собраніемъ прекрасныхъ
Боговъ любви, и ты въ немъ — королева.

ПЕРДИТА.

Мой милый принцъ, мнѣ вовсе не идетъ
Излишку вашей похвалы сердиться;
Простите, что излишкомъ называю.
Надежда всей страны, вы, принцъ, въ одеждѣ
Простаго пастуха — а я одѣта,
Какъ-будто королева. Если бѣ праздникъ
Дурачиться намъ права не давалъ,
Какъ то въ обычаѣ, я покраснѣла бѣ,
Увидѣвъ тотъ нарядъ, что вы избрали,
Что бѣ зеркаломъ мнѣ быть.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Счастливъ тотъ день,
Когда мой соколъ вздумалъ залетѣть
На поле твоего отца.

ПЕРДИТА.

Юпитеръ
Пусть защититъ меня отъ мысли дерзкой
Сравненья съ вами. Вамъ, конечно, принцъ
Не страшно вовсе. Я же вся дрожу,
Подумавши о томъ, что случай можетъ
И вашего отца привлечь сюда,
Когда онъ и васъ привелъ. Тогда, о боги!
Какъ удивился бѣ онъ, увидѣвъ васъ,
Свое творенье, въ этомъ переплетѣ
Негодномъ. Что бы онъ сказалъ тогда?

Что чувствовала бъ я, въ одеждѣ этой,
Не подходящей мнѣ? Какъ бы сумѣла
Я выдержать присутствіе его?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

О счастья думай, ни о чемъ другомъ.
Вѣдь, боги сами часто одѣвались

582

Въ одежду непригодную, любя.
Мычалъ Юпитеръ, обратясь въ быка,
Нептунъ — въ ягненка; пастухомъ явился,
Какъ я теперь, богъ пламенныхъ одеждъ,
Блестящій Аполлонъ! но никогда
Они, для лучшей красоты, чѣмъ та,
Что у тебя, одежды не мѣняли,
Такою чистой мыслью не влеклись,
Какъ я теперь, затѣмъ, что мысль моя
Опережать не хочетъ чувства чести,
И вѣрность у меня сильнѣй, чѣмъ страсть.

ПЕРДИТА.

И все-таки, о дорогой мой принцъ,
Рѣшимость ваша передъ волей царской
Не можетъ устоять. Одно изъ двухъ:
Или погаснетъ въ васъ ко мнѣ влеченье,
Иль съ жизнью я покончу.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

О, Пердита!
Не затемняй сіянья празднества,
Картинъ придуманныхъ тяжелой тѣнью.
Хочу твоимъ я быть или отца
Лишиться, потому что не могу я
Принадлежать себѣ, или другому,
Когда тебѣ принадлежать не буду;
И вѣрнымъ этому останусь даже,
Когда судьба сурово скажетъ — нѣтъ!
Будь весела, и злую мысль гони,
Взглянувъ на то, что видишь. Вотъ и гости
Являются, — скорѣй развеселись,
Какъ-будто свадьбы день насталь сегодня,
Той свадьбы, о которой мы клялись.

ПЕРДИТА.

Не обмани насъ счастье золотое!

*Входятъ Поликсенъ и Камилль передѣтые,
Пастухъ, Клоунъ, Мопса, Дорка и другіе.*

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Вотъ приближаются твои всѣ гости!
Къ веселому готовься разговору,
И щеки ихъ румянцемъ зарумянь.

ПАСТУХЪ.

Фуи, дочка! какъ жила моя старуха,
Въ подобный день была она у насъ
Прислугой, поваромъ и хлѣбопекомъ,
Хозяйкой и поденщицей заразъ,
Привѣтствовала всѣхъ и пѣсни пѣла,
И плясь вела, и за столомъ, то тутъ,
То тамъ являлась, къ людямъ наклонялась,
Ея лицо краснѣло отъ работы,
А вздумаетъ, бывало, прохладиться —
Беретъ стаканъ, то съ тѣмъ, то съ этимъ пьетъ.
Ты въ сторонѣ все держишься, какъ-будто
Сама ты гость, а вовсе не хозяйка.
Прощу: привѣтствуй этихъ незнакомцевъ;
Такимъ путемъ добро свое прославишь.
Ну, не упрямясь же и покажись
Такою, какъ ты есть: хозяйкой доброй
На праздникъ. Ну, пожелай же намъ
Хорошей стрижки, а стадамъ довольства.

ПЕРДИТА (*Поликсену*).

Привѣтъ вамъ, господинъ! отецъ желаетъ,
Чтобы сегодня я была хозяйкой.

(*Камиллу.*)

Привѣтъ и вамъ! Дай, Дорка, мнѣ цвѣты.
Вотъ, господа, вамъ розмаринъ и рута;
Они всю зиму сохраняютъ краски
И запахъ. Пусть же въ васъ обоихъ тоже
Не гаснутъ милосердіе и память.
Второй разъ, господа, вамъ мой привѣтъ.

ПОЛИКСЕНЪ.

Пастушка! ты такъ чудно хороша,
Такъ кстати зимніе цвѣты подносишь
Намъ старикамъ.

ПЕРДИТА.

Старѣеть годъ тогда,
Когда еще не убѣжало лѣто,
Зима, дрожа, еще не родилась.
Въ тѣ дни считаютъ лучшими цвѣтами
Гвоздику и левкой тигристый. Ихъ
Зовутъ дѣтьми побочными природы;
Въ садахъ крестьянскихъ ихъ у насъ и нѣтъ.
Я ихъ отростковъ не хочу.

ПОЛИКСЕНЬ.

Зачѣмъ же
Ты такъ, красавица, пренебрегаешь
Обоими?

ПЕРДИТА.

Мнѣ говорили какъ-то,
Что холить ихъ не только лишь природа,
Но и искусство краски придаетъ.

ПОЛИКСЕНЬ.

Положимъ такъ. Украсится ль природа
Тѣмъ средствомъ, что она не создала?
Надъ тѣмъ искусствомъ, что, какъ молвишь ты,
Должно природу разукрасить, есть
Искусство, что сама она творить.
Ты, дѣвушка прелестная, взгляни,
Какъ вѣтку нѣжную ты прививаешь
Къ дичку и дикая кора приѣмлетъ
Отростки благородные. Конечно,
Искусство это, но, вѣдь, улучшаетъ
Оно природу, ею создано!

ПЕРДИТА.

Да, такъ.

ПОЛИКСЕНЬ.

Тогда сажай левкоевъ въ садъ,
Побочными дѣтьми не называя.

ПЕРДИТА.

Нѣтъ, не хочу сажать ни одного,
Какъ не хотѣла бъ нравиться сильнѣе
Румянцемъ лживымъ и чтобъ тотъ румянецъ,
Тому кто просить о рукѣ моей,

Приманкою служилъ. Вотъ вамъ цвѣты:
Шалфей, лаванда, мята, майоранъ
И ноготки, что спать ложатся къ ночи
И просыпаются въ слезахъ съ восходомъ.
Цвѣты середины лѣта, ихъ даю я
Вамъ, люди среднихъ лѣтъ; привѣтъ и вамъ!

КАМИЛЛЪ.

Будь я овцою стада твоего,
Я пастьбу бросилъ бы, одной тобою
Довольствуюсь.

ПЕРДИТА.

И какъ бы грустно было.
Январскій вѣтеръ пронизалъ бы васъ,
Такъ похудѣли бы! теперь, мой милый,
Цвѣтовъ весеннихъ я бѣ найти хотѣла,
Украсить васъ на утро вашихъ дней;
И васъ, подруги, дѣвичьи головки.
О, Прозерпина! если бѣ подобрать
Всѣ тѣ цвѣты, что побросала ты,
Испуганная, съ колесницы бога
Плутона на землю! всѣ тѣ нарциссы,
Что раньше ласточекъ своей красою
Блισταютъ въ мартовскихъ вѣтрахъ; фіалки
Тѣ, что темнѣй рѣсницъ Юноны, слаще
Цитеры груди, тотъ подснѣжникъ блѣдный,
Безбрачно умирающій до срока,
До наступленья Фебовыхъ лучей,
Болѣзнию дѣвушекъ, у насъ нерѣдкой;
Отважныхъ буквицъ, ландышей душистыхъ
И всякихъ лилій, тоже королевской,
Ихъ не достало бѣ мнѣ, чтобъ разукрасить
Тебя, мой милый другъ, чтобы осыпать
Всего, всего!

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Какъ мертваго въ гробу?

ПЕРДИТА.

О нѣтъ! на ложѣ счастья, гдѣ любовь,
Играя, возлегаеть не какъ тѣло.
Безжизненное, — а когда бѣ и такъ,
То не затѣмъ, чтобъ быть похороненнымъ,
Но чтобъ въ моихъ покоиться объятыхъ.

Приди, возьми цвѣты; мнѣ мнится, будто
Играю я, какъ, видѣла, на святкахъ
Играють люди. Видно, одѣянье
Мое мнѣ голову совсѣмъ кружить.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Что сдѣлаешь все будетъ хорошо.
Когда ты говоришь, тогда желаю,
Чтобъ вѣчно говорила; запоешь —
И мнѣ хотѣлось бы, чтобъ при хозяйствѣ
Покупкѣ и продажѣ, при молитвѣ,
Ты все бы пѣла; если пляшешь ты,
Тебя морской волной воображаю;
Хочу, чтобъ вѣчно двигалась, чтобъ только
Въ движеніи и была; что ни предпримешь
И что ни сдѣлаешь, до мелочей
Все характерно такъ въ тебѣ, чудесно,
Поступокъ всякій — вѣнчанный король.

ПЕРДИТА.

Ты хвалишь слишкомъ много, Дориклесь,
И если бѣ молодость твоя и честность
Въ твоей пастушеской одеждѣ ясно
Такъ не сквозила, думала бы я,
Что сватаешь ты не къ добру и счастью.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Мнѣ кажется, что у тебя причины
Подумать такъ, не больше, чѣмъ во мнѣ —
Сомнѣнье это вызвать. Но пойдёмъ
Къ веселой пляскѣ, дай скорѣе руку;
Такъ голубь съ горлицей идутъ, чтобъ жить,
Вовѣкъ не разлучаясь.

ПЕРДИТА.

Я клянусь —
Они не лгутъ.

ПОЛИКСЕНЬ.

Пастушка эта лучше,
Прелестнѣй всѣхъ, что выросли въ поляхъ.
Нѣтъ въ ней движенія, чтобъ не казалось
Возвышеннѣй, чѣмъ та среда, въ которой
Она живетъ.

КАМИЛЛЬ.

Онъ говоритъ ей что-то,

Что заставляет дѣвушку краснѣть.
Она, признаться должно, королева
Между молочницъ.

КЛОУНЪ (*музыкантамъ*).

Вы сюда ступайте,
Играйте!

ДОРКА.

А съ тобой танцуетъ Мопса,
Но поцѣлуй ея приправить долженъ
Ты чеснокомъ.

МОПСА.

Ну, что же, я согласна.

КЛОУНЪ.

Ни слова больше, мы готовы всѣ;
Играйте же.

(Музыка. Пастухи и пастушки пляшутъ).

ПОЛИКСЕНЪ.

Скажи-ка мнѣ, старикъ,
Кто тотъ пастухъ красивый, что танцуетъ
Съ твоею дочерью?

ПАСТУХЪ.

То Дориклесь.
Онъ хвалится богатыми полями;
Хоть это самъ онъ говоритъ, но вѣрю
Ему; на видъ онъ честенъ, увѣряетъ,
Что дочку любить; думаю, что такъ.
И никогда луна такъ зорко въ воду
Не смотритъ, какъ глядитъ онъ въ очи дочки,
Читаетъ въ нихъ; на четверть поцѣлуя
Одинъ другому не уступить въ чувствѣ.

584

ПОЛИКСЕНЪ.

Она танцуетъ ловко.

ПАСТУХЪ.

У нея
Все, что ни сдѣлаетъ — то ловко. Только

Болтаю я о томъ, о чемъ молчать
Мнѣ надобно. Скажу я вамъ однако:
Получить онъ ее — получить больше,
Чѣмъ думать могъ, хотя бы и во снѣ.

(Входитъ работникъ.)

Работникъ. Если бы ты слышалъ, хозяинъ, что тамъ передъ дверью прохожій разносчикъ рассказываетъ, ты бы во вѣкъ не плясалъ больше ни подъ тамбуринъ, ни подъ флейту; даже волынка и та не двинула бы тебя съ мѣста. Онъ поетъ множество пѣсенокъ, одну за другою, быстрѣе, чѣмъ ты деньги считаешь; онъ идутъ изъ него, будто онъ ими объѣлся; люди слушаютъ его, и всѣ уши развѣсили.

Клоунъ. Кстати же онъ пришелъ; пусть войдетъ. Страсть люблю я баллады, въ особенности, если печальная спѣта весело, а веселая на печальный голосъ.

Работникъ. У него есть пѣсни для мужчинъ и для женщинъ, длинныя и коротенькія; ни одинъ торговецъ краснымъ товаромъ не снабдитъ покупателей столькими перчатками. Для дѣвушекъ у него любовныя песенки, безъ сквернословія — что рѣдко, съ нѣжными заключительными словами, съ хорошенькими припѣвчиками; гдѣ широкооротый пенътюхъ задумаетъ сказать что срамное и въ двери вломиться, тамъ у него дѣвушка отвѣтъ даетъ: «эй, милый, не дѣлай мнѣ больно, и отталкиваетъ и приговариваетъ: «да ступай же, милый, не дѣлай мнѣ больно».

Поликсень. Этотъ разносчикъ молодчина.

Клоунъ. Ты, кажется, говоришь тутъ объ очень умномъ человѣкѣ. Хороши ли у него также и товары?

Работникъ. У него есть ленты всѣхъ цвѣтовъ радуги; кружевъ больше, чѣмъ могутъ распутать приличнымъ образомъ всѣ богемскіе адвокаты, если бы даже, они пришли къ нему толпою; шерстяныя и бумажныя нитки; батистъ и полотна есть у него, и онъ воспѣваетъ свои товары, будто боговъ и богинь, однихъ за другими. Можно подумать, что у него даже юбка — ангель женскаго пола; также воспѣваетъ онъ рукавчикъ и то, какъ онъ сшить.

Клоунъ. Прошу тебя, приведи его и пусть войдетъ, распѣвая.

Пердита. Но предупреди его, чтобы онъ дурныхъ словъ въ свои пѣсни не вставлялъ.

Клоунъ. Есть люди между этими разносчиками, въ которыхъ гораздо больше толку, чѣмъ ты думаешь, сестрица.

Пердита. Да, добрый братецъ, или, лучше, не да — а хотѣла бы такъ думать.

Автоликъ (входитъ, распѣвая).

Полотно, что снѣгъ, бѣло,
Крепъ, что ворона крыло;
А перчатокъ, что цвѣтовъ;
Маски тѣмъ, кто безъ носовъ;
И коралловъ бы купить,
Порошокъ есть, чтобъ курить.

Банты, пряжки для штановъ
Разудалыхъ молодцовъ,
Для дѣвицъ есть утюги
И булавки, и шелки.
Покупайте поскорѣй
И не прячьте кошелей.

Клоунъ. Если бы я не былъ влюбленъ въ Мопсу, не видать бы тебѣ моихъ денегъ; но такъ какъ я ужъ попался, такъ и долженъ я взять у тебя лентъ и перчатокъ.

Мопса. Онѣ были обѣщаны мнѣ еще до праздника, но и теперь не опоздають.

Дорка. Онѣ обѣщаль тебѣ больше, чѣмъ это, или есть между нами лжецы?

Мопса. Тебѣ далъ онъ все, что обѣщаль, и, можетъ быть, даже больше такого, что возратить тебѣ будетъ стыдно.

Клоунъ. Развѣ нынче нѣтъ больше приличія между дѣвушками? Или хотятъ онѣ прикрываться юбками тамъ, гдѣ бы слѣдовало быть ихъ лицамъ? Или не хватаетъ вамъ времени на шушуканье, когда доите коровъ вашихъ, или у печки стоите, или спать ложитесь? Нужно вамъ, что ли, выбалтывать все передъ гостями? Хорошо еще, что они шумятъ. Довольно вамъ, ни слова больше.

Мопса. Да ужъ я и такъ молчу. Поди-ка сюда и припомни, что ты обѣщаль мнѣ дать блестящій галстухъ и пару мягкихъ перчатокъ.

Клоунъ. Да развѣ я не сказалъ тебѣ, какъ меня на пути ограбили и всѣ мои деньги забрали?

Автоликъ. Точно, господинъ, здѣсь мошенниковъ много; каждый долженъ быть насторожѣ.

Клоунъ. Не бойся, пріятель, здѣсь у тебя ничего не украдутъ.

Автоликъ. Надѣюсь, господинъ, потому

что у меня съ собою много связокъ съ товарами.

Клоунъ. Что же у тебя тутъ? баллады?

Мопса. Ахъ, пожалуйста, купи парочку балладъ. Печатной баллады мнѣ на всю жизнь хватить; можно быть увѣренной, что все въ ней правда.

Автоликъ. Вотъ вамъ одна баллада съ очень печальнымъ напѣвомъ, о томъ, какъ жена ростовщика забеременила двадцатью мѣшками денегъ и какъ ей захотѣлось ѣсть змѣиныхъ головъ и поджаренныхъ жабъ.

Мопса. А развѣ это правда?

Автоликъ. Совершенная правда и случилось съ мѣсяцъ тому назадъ.

Дорка. Упаси меня Богъ выйти замужъ за ростовщика.

Автоликъ. А вотъ вамъ и имя бабки, бывшей при этомъ, госпожа Сказочка-болтушка, да еще шести приличныхъ женщинъ, находившихся тутъ же. Да и зачѣмъ мнѣ вранье съ собою таскать?

Мопса. Ахъ, пожалуйста, купи это.

Клоунъ. Ну, ладно, отложи-ка это въ сторону; пока что, мы посмотримъ другія баллады, да заодно и другихъ вещей купимъ.

Автоликъ. Вотъ и другая баллада объ одной рыбкѣ, которая въ среду, восьмидесятаго апрѣля, была видима съ береговъ надъ водою на высотѣ сорока тысячъ сажень и пропѣла эту именно балладу дѣвушкамъ съ безотвѣтнымъ сердцемъ; думаютъ, что, до того, рыба была женщиною, обратившеюся въ холодную рыбу за то, что она не хотѣла сойтись тѣлесно съ человѣкомъ, котораго любила. Баллада ужасно печальна и настолько же справедлива.

Дорка. Какъ, ты думаешь, что и это правда?

Автоликъ. Пять судейскихъ особъ подписали ее собственноручно, а другихъ свидѣтельствъ больше, чѣмъ я съ собою захватить могу.

Клоунъ. Отложи и эту. Какая слѣдующая?

Автоликъ. Это хотя и веселая баллада, но очень хорошенькая.

Мопса. Намъ надобно имѣть парочку и веселыхъ.

Автоликъ. Да, она ужасно весела и поется на голосъ: «двѣ были ихъ — любили одного»; на западъ отсюда едва ли найдется хоть одна дѣвушка, которая бы ее не пѣла. Ее очень любятъ, эту балладу, могу васъ увѣрить.

Мопса. Мы обѣ споемъ ее и можемъ услышать, если ты возьмешь одинъ голосъ на себя; вѣдь, она трехголосная.

Дорка. Намъ этотъ напѣвъ уже съ мѣсяць какъ знакомъ.

Автоликъ. Я могу взять третій голосъ на себя: могу сказать, что это мое дѣло: слѣдите только за собою. *(Поетъ.)*

Автоликъ.

Прочь ступайте, ухожу,
А куда — вамъ не скажу.

Дорка.

Ахъ, куда?

Мопса.

Куда?

Дорка.

Куда?

Мопса.

Клятвѣ вѣрю я твоей,
Къ тайнѣ пріобщи скорѣй.

Дорка.

И меня пусти туда.

Мопса.

Къ мельницѣ ль итти въ овинѣ?

ДОРКА.

Жалокъ мнѣ такой починѣ.

АВТОЛИКЪ.

Никуда.

ДОРКА.

Нѣтъ!

АВТОЛИКЪ.

Никуда!

ДОРКА.

Ты клялся въ любви своей.

МОПСА.

Больше мнѣ клялся, чѣмъ ей!

Говори жъ: куда, куда?

КЛОУНЪ. Мы кончимъ эту пѣсню тамъ, между собою; мой отецъ и эти богатые господа заняты важнымъ разговоромъ, и мы не будемъ мѣшать имъ. Тащи-ка мнѣ вслѣдъ твои товары. Вы, женскіе облики, я куплю вамъ обѣимъ что-нибудь. Только мы будемъ сами выбирать, разносчикъ. Идите за мною, дѣвушки.

АВТОЛИКЪ (*въ сторону*).

Хочешь шапку купить,
Или лентой обшить,
Этимъ всѣмъ мы торгъ ведемъ;
Что шелковъ, полотна, —
Канитель все одна;
Въ той же связочкѣ несемъ;
Офень — парень не замай,
Только денегъ подавай,
Миръ продастъ онъ ни по чемъ

(*Уходятъ*.)

РАБОТНИКЪ (*входитъ*). Хозяинъ, тамъ пришли три козыхъ пастуха, три овечьихъ, три коровьихъ и три свинопаса, мохнатыми шкурами разукрасились, называютъ себя сатирами и пляшутъ плясъ, о которомъ наши дѣвки говорятъ, потому что они въ немъ не участвуютъ, что это прыганіе въ

воздухъ; но сами они думаютъ (если пляска эта не слишкомъ дика для тѣхъ, кто ничего другого, кромѣ вальса, знать не хотятъ), что пляска понравится.

ПАСТУХЪ. Вонъ ихъ! намъ ничего такого не нужно; у насъ и безъ того дурачество было достаточно; конечно, господинъ, мы вамъ надоѣли?

ПОЛИКСЕНЪ. Надоѣдаешь ты тѣмъ людямъ, которые хотятъ коротать наше время. Прошу тебя показать намъ эти четыре тройки пастуховъ.

РАБОТНИКЪ. Трое изъ нихъ, господинъ, утверждаютъ, будто они плясали передъ своимъ королемъ и самый неуклюжій изъ этой тройки перескакиваетъ двѣнадцать съ половиною футовъ.

ПАСТУХЪ. Довольно болтать. Если это почтеннымъ господамъ желательно, пусть придутъ, только поскорѣе.

РАБОТНИКЪ. Они стоятъ подлѣ, за дверью.

(Работникъ уходитъ и возвращается съ двѣнадцатью пастухами, одѣтыми сатирами; они пляшутъ и уходятъ.)

ПОЛИКСЕНЪ.

Старикъ, узнаешь больше ты потомъ.

(Въ сторону.)

Не далеко ль зашло? Пора бѣ обоихъ
Ихъ разлучить. Но честенъ онъ и слишкомъ
Болтливъ. *(громко.)* Пастухъ — красавецъ! видно, сердце
Тебя отъ праздника отвлечь готово.
Когда я молодъ былъ и такъ, какъ ты,
Любилъ — ловчѣе цѣли добивался.
Я бы ограбилъ офеня товары
И навязалъ ихъ ей. Ты жъ отпустилъ,
Не сдѣлавши покупки ни одной.
Что если дѣвушка вдругъ заключить,
Что въ этомъ недостатокъ чувства видѣнь,
Ты затруднишься дать тогда отвѣтъ,
Въ особенности о продленьи чувства,
Когда ты этимъ чувствомъ дорожишь.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Почтенный господинъ мой! мнѣ извѣстно,
Что этотъ вздоръ ея и не займетъ.
Мои дары лежатъ глубоко въ сердцѣ
И ей принадлежатъ, хотя и не даны.
Ты жизнь мою прими, мое признанье,
Предъ старикомъ, который, мнится мнѣ,
Любилъ когда-то. Руку я беру
Твою, что такъ бѣла, какъ голубиный,
Нѣжнѣйшій пухъ, какъ зубы мавра, какъ
Снѣга чистѣйшіе, что сѣверъ дважды
Продуль своимъ дыханіемъ холоднымъ.

ПОЛИКСЕНЬ.

А дальше что? Какъ ловко руку онъ,
Что безъ того бѣла, словами моетъ.
Я сбиль тебя, но ты оцѣнку эту
Продолжи, расскажи чего желаешь.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Да, я скажу, свидѣтелемъ мнѣ будьте.

ПОЛИКСЕНЬ.

И мой сосѣдъ со мною заодно.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

И онъ, и больше, люди всѣ и небо,
И вся земля. Будь вѣнценоснымъ я
Монархомъ, будь я этого достоинъ,
Будь я красивѣйшимъ изъ всѣхъ на свѣтѣ,
Изъ всѣхъ, которымъ очи дороги
Любовію свѣтились и имѣй я
Сознанія и силы больше, чѣмъ
Любой мужчина, — безъ любви ея
Я все бы презиралъ; лишь для нея
Всѣмъ дорожилъ бы, все бы отдалъ ей,
Служенью ей, а если бѣ нѣтъ, такъ бросилъ,
Какъ мнѣ ненужное.

ПОЛИКСЕНЬ.

Подарки цѣнны!

КАМИЛЛЬ.

Свидѣтельствуютъ о любви глубокой.

ПАСТУХЪ.

Ты, дочка, что ему въ отвѣтъ промолвишь?
Не то же ли?

ПЕРДИТА.

Я не могу, какъ онъ,
Такъ сладко говорить, ни лучше мыслить
И чувствовать, но по своимъ я мыслямъ
Всю чистоту его желаній вижу.

ПАСТУХЪ.

Тогда въ залогъ другъ другу руки дайте,
Свидетѣлями эти гости будутъ.
Я дочь ему даю и съ нею вмѣстѣ
Приданое такое, какъ его,

Не менѣ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Съ моимъ приданымъ ваше
Сравниться только прелестью ея.
Когда умретъ одно лицо, тогда
Я большимъ пользоваться буду въ жизни,
Чѣмъ вамъ приснится можетъ, удивлю
Величіемъ наслѣдства. Но, однако,
Соедините насъ, пусть все, кто здѣсь,
Свидѣтелями будутъ.

ПАСТУХЪ.

Если такъ,
Давайте ваши руки ты и онъ.

587

ПОЛИКСЕНЬ.

Постой, пастухъ, немного обожди.
Отецъ вашъ живъ?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Да, живъ. Но что же съ этимъ?

ПОЛИКСЕНЬ.

Ему извѣстна свадьба ваша?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нѣтъ,
И знать о ней не долженъ онъ.

ПОЛИКСЕНЬ.

Однако,
Мнѣ кажется, отецъ на свадьбѣ сына
Наилучшій гость; онъ столъ собой украситъ.
Скажи, отецъ твой, можетъ-быть, не можетъ
Разумно дѣйствовать, онъ слабъ разсудкомъ
Отъ лѣтъ или подагры; не способенъ
Имѣнъемъ управлять, не можетъ также
Ни говорить, ни слушать и тѣмъ меньше
Людей не можетъ различать. Онъ боленъ,
Быть можетъ, и лежитъ совсѣмъ безъ дѣла
Впавъ въ дѣтство?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нѣтъ, почтенный господинъ,
Здоровъ онъ и, покуда въ полной силѣ,
Какъ мало кто въ его года.

ПОЛИКСЕНЪ.

Тогда
Клянусь своей сѣдою бородою,
Что ты къ нему несправедливъ и сыну
Не слѣдуетъ такъ поступать. Жену
Мой сынъ, конечно, долженъ выбрать самъ,
Но долженъ и отецъ, который счастьемъ
Своихъ потомковъ будетъ жить, имѣть
Въ подобномъ важномъ дѣлѣ также голосъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Все это такъ. Но по другимъ причинамъ,
Которыхъ вы, мой строгій господинъ,
Не знаете — отцу я не сказала.

ПОЛИКСЕНЪ.

Тогда теперь скажи ему объ этомъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нельзя.

ПОЛИКСЕНЪ.

Прошу!

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нѣтъ, онъ не долженъ знать.

ПАСТУХЪ.

Скажи ему, мой сынъ. Узнавъ твой выборъ
Печалень онъ не будетъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нѣтъ, нельзя.

Теперь — къ помолвкѣ.

ПОЛИКСЕНЪ *(давая узнать себя)*.

Нѣтъ, теперь къ разводу
Мой юный господинъ, котораго отнынѣ
Я сыномъ звать не буду: недостоинъ!
Наслѣдникъ скиптра — на пастушій посохъ
Его мѣняетъ! ты жъ, измѣнникъ старый,
Мнѣ жалко, что, велѣвъ тебя повѣсить,
Я сокращу твой вѣкъ лишь на недѣлю!

Ты, дьявола роскошное созданье,
Не вѣдать не могла, что завлекала
Ты дурня королевской крови, что...

ПАСТУХЪ.

О горе!

ПОЛИКСЕНЬ.

Терніями — я велю сцарапать
Всю красоту твою, чтобъ снизошла
До званія, приличнаго рожденью.
Что до тебя касается, влюбленный,
Чуть ты вздохнешь по ней хоть разъ одинъ,
За то, что не увидишь и не долженъ
Увидѣть — я лишу тебя престола.
Въ тебѣ моей я не признаю крови,
Ни дальнаго родства со мной — дальше
Чѣмъ къ намъ стоитъ Девкаліона родъ
Замѣть мои слова и слѣдуй тотчасъ
За мною ко двору. — А ты, мерзавецъ,
Хотя ты заслужилъ не милость нашу,
На этотъ разъ, я жизнь дарю.
А ты, что колдовствомъ его объяла
Такимъ, котораго совсѣмъ довольно,
Чтобъ пастуха смутить, хотя бы и такого
Какъ онъ, унизившагося такъ тяжко,
Что даже не достоинъ сталъ тебя, —
Когда еще разъ онъ перешагнетъ
Порогъ лачуги вашей и когда
Его въ кольцо объятій заключишь ты,
Клянусь, изобрѣту такую казнь,
Что будетъ ужасомъ своимъ сильнѣе,
Чѣмъ нѣжность чародѣйская твоя!

(Уходитъ.)

ПЕРДИТА.

Я и безъ этого совсѣмъ погибла.
Не испугалась я, хотѣла говорить,
Сказать ему, что не другое солнце,
А то же самое сіяетъ съ неба
На дворъ его и на лачугу нашу.
Ступайте, принцъ! Я говорила вамъ
И прежде, что произойдетъ. Прошу васъ,
Подумайте о званіи своемъ;
Мой сонъ окончился, проснулась я —
Не королева больше, а пастушка —

Дою мою козу и горько плачу.

КАМИЛЛЬ.

А ты, отецъ, пока ты живъ, что скажешь?

ПАСТУХЪ.

Я не могу ни говорить, ни думать;
Не смѣю даже знать я то, что знаю.

(Флоризелю.)

О принцъ! восьмидесятилѣтній старецъ
Несчастливымъ сдѣланъ вами; онъ въ могилу
Спокойно думалъ низойти, скончаться

588

На той кровати, на которой умеръ
Его отецъ, улечься рядомъ съ нимъ;
Теперь же обовѣтъ меня палачъ
Могильнымъ саваномъ, и мнѣ священникъ
Не бросить на могилу горсть земли.

(Пердितъ.)

Дитя безумное! ты принца знала —
Какъ смѣла думать выйти за него?
О горе мнѣ! когда бъ я умеръ тотчасъ,
Желательнымъ явился бъ смерти часть.

(Уходитъ.)

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Что такъ глядите на меня? Повѣрьте,
Что не испуганъ я, но озабоченъ;
Мнѣ помѣшали — но не измѣнили
Того, чѣмъ былъ я. Я стремлюсь сильнѣе,
Когда задерживаютъ, и не буду
Итти, какъ то хотять, на помочахъ.

КАМИЛЛЬ.

Любезный принцъ! вамъ взглядъ отца извѣстенъ,
Теперь съ нимъ вовсе говорить нельзя,
И, думаю, что вы такого жъ мнѣнья;
Онъ даже вида вашего не стерпитъ,
А потому, пока не успокою
Его — къ нему не приходите вы.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Я этого совсѣмъ не желаю.
Вѣдь, ты — Камилль?

КАМИЛЛЬ.

Да, принцъ.

ПЕРДИТА.

Какъ часто, часто
Я говорила — это будетъ такъ;
Какъ часто повторяла, что несу
Свое я званье лишь до той поры,
Пока его узнаютъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нѣтъ, повѣрь,
Ему всего одинъ конецъ возможенъ,
Когда невѣрнымъ буду я тебѣ;
Тогда пускай природа сдавить землю
Въ ея бокахъ и раздробить нутро.
Утѣшься! не коронѣ я наслѣдникъ —
Наслѣдникъ я своей къ тебѣ любви

КАМИЛЛЬ.

Послушайте совѣта.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Мнѣ любовь
Даетъ совѣтъ. Коль разумъ я имѣю,
Я разуму послѣдовать хочу.
Когда не такъ — тогда пускай безумье,
Какъ наслажденье жизни, я приму.

КАМИЛЛЬ.

Такъ говорить одно безумье можетъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Зови, какъ хочешь ты. Такъ какъ оно
Мнѣ служить къ исполненью обѣщанья,
Его я просто честностью зову.
Камилль, за всю Богемію, за блескъ,
Который мнѣ наградой въ ней служилъ бы,
За солнце, видящее все, за землю,
Объемлющую все, скрывающую море
Въ глубокой глубинѣ, — я не нарушу
Обѣта, даннаго невѣстѣ обрученной.
И потому прошу тебя, какъ друга,
Избраннаго моимъ отцомъ, когда бы

Ему меня увидѣть не пришлось
(Его, по правдѣ, не хочу я видѣть),
Ты гнѣвъ его совѣтомъ укроти —
Меня оставить будущимъ судьбамъ.
Скажи ему, что уѣзжаю въ море,
Везу ее отъ берега, который
Ее хранить не можетъ. Очень кстати
Корабль я вижу здѣсь стоитъ готовый
Какъ бы нарочно для меня — но только,
Куда поѣду, этого не нужно
Вамъ знать, а мнѣ объ этомъ сообщать.

КАМИЛЛЬ.

Мой принцъ! о если бъ ваша мысль могла
Послѣдовать хорошему совѣту?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Пердита, слушай.

(Отводитъ ее въ сторону. Камиллу.)

Слушаю тебя.

КАМИЛЛЬ.

Упорень! и рѣшилъ бѣжать! Когда бы
Воспользоваться мнѣ его отъѣздомъ,
Его спасти, ему любовь и честь
До гроба посвятить, опять увидѣть
Сицилію и короля ея,
Котораго такъ сильно жажду видѣть?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Камилль мой добрый, я такъ озабочень,
Что даже и приличье забываю.

КАМИЛЛЬ.

Вамъ, принцъ, извѣстна та любовь, та дружба,
Что я питаю къ вашему отцу?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Ты хорошо служилъ. Рѣчь о тебѣ
Вести отцу, что музыка живая;
Онъ озабочень, какъ ему за службу
Твою благодарить?

КАМИЛЛЬ.

Но, если такъ
Вы точно думаете, принцъ, что я

Его люблю и все люблю, что близко
 Ему, и васъ, конечно, прежде всѣхъ,
 Почтите мой совѣтъ (конечно, если
 Рѣшится вы свой планъ перемѣнить);
 Я васъ направлю, честью увѣряю,
 Туда, гдѣ примутъ васъ отъ сердца, дружбой,
 Какъ подобаеть вамъ и также ей,

Чтобъ счастливыми быть и обручиться
 (Ей — отъ которой, ясно вижу это,
 Васъ отдѣлать способна только смерть,
 Чего не дай Господь); чуть удалитесь
 Отсюда, — я употреблю всѣ средства,
 Чтобы отца скорѣе помирить.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Но развѣ, о, Камилль, такое счастье
 Возможно? Если — да, тебѣ ввѣряюсь
 Я больше, чѣмъ простому человѣку.

КАМИЛЛЬ.

Подумали ли вы, куда вамъ ѣхать?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нѣтъ не подумалъ. Если случай странный
 Причиной нашему рѣшенью послужилъ,
 Мы, какъ рабы, отправимся навстрѣчу
 Всѣмъ перемѣнамъ и по всѣмъ вѣтрамъ.

КАМИЛЛЬ.

Тогда послушайте. Когда рѣшили
 Вы бѣгство ваше, убѣгайте вы
 Въ Сицилію и тамъ представьтесь сами,
 Представьте также и ее, принцессу
 (Ей быть принцессой) королю Леонту.
 Дадутъ одежды ей, что подобають
 Супругѣ вашей. Такъ и мнится мнѣ,
 Что вижу, какъ Леонтъ въ объятія приметъ
 Обоихъ васъ, привѣтствуя, слезами,
 Какъ будетъ онъ прощенія просить
 У сына, будто у отца, какъ будетъ
 Принцессѣ руки цѣловать, — и будетъ,
 Между любовію и злобою поставлень,

Желать, чтобъ злоба опустилась въ адъ,
Любовь росла быстрѣй, чѣмъ мысль или время.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Какою же причиною объясню я,
Камилль любезный, это посѣщенье?

КАМИЛЛЬ.

Вы скажете ему: король отецъ
Васъ шлетъ къ нему съ поклономъ, съ утѣшенемъ.
Какъ поступать и что вамъ говорить,
Чтобъ внѣ сомнѣнья былъ онъ, что отцомъ
Своимъ вы присланы — я напишу вамъ, —
Извѣстное лишь только намъ троимъ, —
Вы будете имѣть отвѣтъ готовый
На всякій изъ его вопросовъ, онъ
Увидитъ въ васъ живое воплощенье
Отца и то, что сердце вы его
Съ собою принесли.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Я благодаренъ
За твой совѣтъ. Онъ важенъ для меня.

КАМИЛЛЬ.

Повѣрьте, этотъ путь вѣрнѣе будетъ,
Чѣмъ если вы довѣритесь волнамъ,
Странамъ безвѣстнымъ и лишеньямъ всякимъ,
Въ которыхъ вы, отъ помощи далеки,
Отъ горя одного къ другому горю
Пойдете, гдѣ вамъ вѣренье будетъ только
Одинъ лишь якорь, вѣренье будетъ тѣмъ
Что тамъ, гдѣ не-любо, онъ васъ удержитъ.
Не позабудьте также, что любви
Сильнѣйшая опора — счастье, что несчастье,
Мѣняя состоянье духа, также
И сердце измѣняетъ.

ПЕРДИТА.

Лишь одно
Тутъ правда: при несчастьи блекнуть щеки,
Но въ сердце снизойти ему нельзя.

КАМИЛЛЬ.

Вы думаете? Если такъ, тогда
Въ семь долгихъ лѣтъ подобному ребенку
Не народиться въ вашемъ отчемъ домѣ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Ея образованье, другъ Камилль,
Далеко впереди ея породы.

КАМИЛЛЬ.

Я не могу сказать, чтобъ не хватало
Образованья ей: она, мнѣ мнится,
Учителей способна научить.

ПЕРДИТА.

Простите, господинъ! благодарю я
Тѣмъ, что краснѣю!

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Чудная Пердита!
Мы все-таки на терніяхъ стоимъ!
Спаситель моего отца и мой,
Защита дома нашего, Камилль,
Что дѣлать намъ? Я денегъ не имѣю
Чтобы, какъ это подобаеть принцу
Богеміи, въ Сицилію явиться!

КАМИЛЛЬ.

На этотъ счетъ не безпокойтесь, принцъ;
Вы знаете имущество мое
Все тамъ; обставить васъ по-королевски
Его довольно. Ваша роль — моя.
Вотъ, на примѣръ, чтобъ въ этомъ убѣдиться,
Что вамъ довольно будетъ — на два слова...

(Отходятъ въ сторону и тихо разговариваютъ.)

Входитъ Автоликъ.

АВТОЛИКЪ.

Го, го! какая дура — честность! довѣрчивость, ея присяжная сестрица, тупѣйшая дама! я распродалъ всю мою дрянъ; ни одного поддѣльнаго камешка, ни ленты, ни карманнаго зеркальца, ни пузырька съ духами, галстуха, таблички, баллады, нитки, ножичка, перчатокъ, пряжекъ, браслета, роговаго колечка — у меня не осталось, всю

дрянь, купили, всю! наперерывъ толкались, кому прежде купить, какъ будто мои бездѣлушки были освящены и приносили покупателю благословеніе. При случаѣ замѣтилъ я, чьи кошель толще, и намѣтилъ ихъ себѣ. Клоунъ,

которому не хватает очень малаго, чтобы быть совсѣмъ умнымъ человѣкомъ, влюбился до такой степени въ бабѣ пѣнье, что онъ своихъ порослячихъ лапъ до тѣхъ поръ не отнималъ, пока не заучивалъ напѣва и словъ, а это подгоняло ко мнѣ всѣхъ остальныхъ до такой степени, что всѣ ихъ чувства попрятались въ слухъ; можно бы было стащить любую юбку и никто бы не замѣтилъ; ничего бы не стоило отрѣзать отъ пояса любой денежный кошель; я бы могъ стибрить ключи, висѣвшіе при цѣпочкахъ; они ничего не слышали, ничего не чувствовали, кромѣ пѣсенъ моего дурака, и удивлялись ихъ ничтожеству, такъ что я, пользуясь ихъ одурью, стащилъ большинство ихъ кошелековъ, набитыхъ къ празднику, и если бы старый пастухъ, со своимъ оханьемъ о дочери да королевскомъ принцѣ, не появился и не разогналъ ихъ, какъ воробьевъ съ посѣва, такъ я бы не оставилъ при нихъ ни одного кошелька изъ цѣлой арміи.

(Подходятъ Камиллѣ, Флоризель и Пердита.)

КАМИЛЛѢ.

Нѣтъ, мои письма, которыя придутъ такъ же скоро, какъ вы, разрѣшать всякое сомнѣніе.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

А тѣ, которыя дастъ мнѣ Леонтъ?

КАМИЛЛѢ.

Помирять съ вами отца.

ПЕРДИТА.

Благослови васъ Небо. Все, что вы сказали, обѣщаетъ счастье.

КАМИЛЛѢ *(замѣтивъ Автолика)*.

Кто это? Мы должны воспользоваться имъ, не упускать ничего, что можетъ служить нашему дѣлу.

АВТОЛИКЪ *(въ сторону)*.

Если они меня подслушали — тогда повѣсятъ.

КАМИЛЛѢ.

Ну, пріятель! чего испугался? не бойся! зла тебѣ не сдѣлаютъ.

АВТОЛИКЪ.

Да вѣдь, я, господинъ нищій.

КАМИЛЛѢ.

Ты тѣмъ и останешься, что есть: тебя не обокрадутъ; что касается до внѣшности твоей бѣдности, то мы сейчасъ приступимъ къ обмѣну. Раздѣвайся немедленно (знай — это необходимо) и надѣнь платье этого господина, хотя это ему и не къ выгодѣ, но ты получишь и еще нѣчто въ придачу.

АВТОЛИКЪ.

Я нищій, господинъ, (*въ сторону*) васъ то я хорошо знаю.

КАМИЛЛЪ.

Ну, ну, живо, господинъ на половину уже раздѣлся.

АВТОЛИКЪ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ? (*въ сторону*) я начинаю понимать, въ чемъ дѣло.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Торопись же, прошу тебя!

АВТОЛИКЪ.

Да ужъ я имѣю подачку, но, право, по совѣсти, я не могу принять ее.

КАМИЛЛЪ.

Разстегивайся, разстегивайся (*мѣняютъ платья*)
Счастливая принцесса! пусть надъ вами
Исполнится пророчество мое
Вы удалитесь поскорѣе въ чашу
Надѣньте шляпу принца и на брови
Ее надвиньте, чтобъ закрыть лицо,
Переодѣньтесь тоже, сколько можно,
Чтобъ на себя не походить (боюсь
Я пастуха) чтобъ вамъ скорѣй добратъся
До корабля у берега.

ПЕРДИТА.

Я вижу,
Что на себя я тоже роль приму.

КАМИЛЛЪ.

Не иначе. Готовы ль вы теперь?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Меня отецъ мой не узналъ бы, если бъ
Увидѣлъ.

КАМИЛЛЪ.

Шляпы вамъ совсѣмъ не надо.
Идите, дѣвушка, скорѣе; принцъ
Счастливаго пути.

АВТОЛИКЪ.

Спаси васъ Богъ!

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Ахъ, Боже мой, Пердита мы забыли!
Прошу тебя лишь на два слова, слушай...

(Говорятъ тихо)

КАМИЛЛЪ *(въ сторону)*.

Ближайшее, что сдѣлаю — скажу
Я королю объ этомъ бѣгствѣ, также,
Куда бѣжали; а потомъ сумѣю,
Такъ думаю, послать его имъ вслѣдъ,
И съ нимъ опять Сицилію увижу,
Которой обликъ видѣть жажду я,
Какъ дѣвушка влюбленная.

591

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Ну, съ Богомъ.
Теперь, Камилль, идемъ мы къ кораблю.

КАМИЛЛЪ.

И чѣмъ скорѣй, тѣмъ это лучше будетъ.

(Уходятъ.)

АВТОЛИКЪ.

Я понимаю, въ чемъ дѣло, знаю хорошо. Воришка долженъ обладать открытымъ ухомъ, зоркимъ глазомъ и быстрою рукою; недурно тоже имѣть хорошее чутье, чтобы разнюхать работу другимъ чувствомъ. Вижу, что теперь настало время, когда шельмамъ везетъ. Какой бы это чудесный обмѣнъ былъ, даже безъ придачи! и что за придача къ такому чудесному обмѣну. Несомнѣнно, что боги въ этомъ году смотрятъ на насъ сквозь пальцы, и мы можемъ дѣлать нѣчто ex tempore. Самъ принцъ занимается шельмовской продѣлкой: онъ бѣжитъ отъ отца съ бревномъ на ногахъ. Если бы я не думалъ, что донести объ этомъ королю будетъ честнымъ дѣломъ, я бы непременно донесъ; но я нахожу болѣе хитрымъ мошенничествомъ молчать объ этомъ и остаюсь вѣрнымъ своему ремеслу.

Входятъ Клоунъ и Пастухъ.

Однако, тише, тише; тутъ работающему разсудку есть еще, что дѣлать. Каждый уличный уголъ, каждая церковь, любое собраніе, каждая казнь даютъ дѣльному человѣку заработокъ.

Клоунъ. Ну, сообразите только: что вы за человѣкъ! тутъ нѣтъ другого пути, какъ сказать королю, что она подкидышъ, а не ваша плоть и кровь.

Пастухъ. Да ты послушай.

Клоунъ. Вы меня послушайте.

Пастухъ. Ну, говори.

Клоунъ. Такъ какъ она не отъ плоти вашей и крови, то ваша собственная плоть и кровь не оскорбляла короля, и поэтому ваша плоть и ваша кровь

наказанію не подлежатъ. Покажите ему вещи, которыя вы при ней нашли; также и тѣ, что были спрятаны, все, что было при ней. Когда вы сдѣлаете это, то вы закону вслѣдъ свистѣть можете.

ПАСТУХЪ. Да, я все расскажу королю, каждое слово, равно какъ ухаживанье его сына, который держитъ себя не такъ, какъ подобаеть честному человѣку, могу сказать, какъ относительно меня, такъ и относительно своего отца, потому что разсчитывалъ сдѣлать меня королевскимъ сватомъ.

КЛОУНЪ. Точно, свать — было бы тутъ наименьшимъ изъ того, чѣмъ бы вы стали; каждая капля крови вашей вздорожала бы намного.

АВТОЛИКЪ *(тихо)*. Очень умно, обезьяньи морды!

ПАСТУХЪ. Такъ ладно же, идемъ къ королю, онъ навѣрное почешетъ свою бороду надъ содержаніемъ этого узелка.

АВТОЛИКЪ. Я не знаю, однако, насколько это донесеніе ихъ можетъ помѣшать бѣгству моего господина.

ПАСТУХЪ. Очень хотѣлъ бы я, чтобы онъ былъ теперь во дворцѣ.

АВТОЛИКЪ. Если я честенъ не по природѣ, то бываю такимъ по случаю. Я сниму свою привѣсную бороду; *(снимаетъ ее)* — эй, вы, мужики, куда идете?

ПАСТУХЪ. Во дворецъ, съ вашего позволенія.

АВТОЛИКЪ. Какія у васъ тамъ дѣла? какого рода? съ кѣмъ? что въ вашемъ узлѣ, ваши имена, возрастъ, происхожденіе, воспитаніе, и что еще тому подобное — говорите!

ПАСТУХЪ. Мы простые мужики, господинъ.

АВТОЛИКЪ. Вранье; вы грубы и волосаты, мнѣ не соврете; это пригодно только купцамъ, и они намъ, солдатамъ, многое привирають; но мы платимъ имъ за это чеканеной монетой, а не убійственнымъ остриемъ клинка, такъ что они врутъ намъ не даромъ.

КЛОУНЪ. Ваша милость едва, было, не подарили намъ ее, да сами запутались въ томъ, какъ вы ее намъ подносили.

ПАСТУХЪ. Вы, съ позволенія вашего, придворный?

АВТОЛИКЪ. Позволю я, или не позволю, я все-таки придворный. Не вѣтъ развѣ въ тебя придворнымъ воздухомъ отъ этого одѣянья? развѣ не придворная у меня походка? не чуешь ты развѣ носомъ своимъ придворнаго запаха? развѣ не дучится отъ меня на твое ничтожество великое презрѣніе? не думаешь ли ты, что я, разговаривая съ тобою ласково и начавъ о твоемъ дѣлѣ разспрашивать, поэтому не придворный? Я придворный отъ головы до ногъ, и изъ такихъ, который можетъ помочь тебѣ въ твоемъ дѣлѣ или затормозить его: поэтому приказываю тебѣ объяснить его мнѣ.

ПАСТУХЪ. Мое дѣло, господинъ, касается только короля.

АВТОЛИКЪ. Кто же будетъ служить тебѣ адвокатомъ?

ПАСТУХЪ. Я не знаю, что это такое.

КЛОУНЪ. Адвокатомъ называютъ при дворѣ фазана; есть у васъ фазанъ?

ПАСТУХЪ. Нѣтъ у меня ни фазана, ни пѣтуха, ни курицы.

АВТОЛИКЪ.

Какъ счастливы мы тѣмъ, что не такъ глупы!
Но, вѣдь, могла создать меня природа
Такимъ же; оттого ее я чту.

Клоунъ. Это, должно быть, очень важный придворный.

Пастухъ. Одежда его богата, но онъ носить ее какъ-то неловко.

Клоунъ. Онъ кажется тѣмъ знатнѣе, чѣмъ большимъ чудакомъ представляется. Это важный человекъ, я подтверждаю это! я вижу это потому уже, какъ онъ ковыряетъ въ зубахъ.

Автоликъ. Подайте узелокъ; что въ немъ? зачѣмъ эта шкатулка?

Пастухъ. Въ этомъ узлѣ и въ этой шкатулкѣ, господинъ, секреты, которые могутъ быть открыты одному только королю и которые онъ узнаетъ, когда я предстану передъ нимъ.

Автоликъ. Старикъ, это потерянный трудъ.

Пастухъ. Почему, господинъ?

Автоликъ. Короля во дворцѣ нѣтъ, онъ пошелъ на новый корабль, чтобы освѣжиться отъ своей печали. Если ты способенъ понимать серьезныя вещи, то ты согласишься, что король долженъ быть печаленъ.

Пастухъ. Толкуютъ, будто отъ того, что его сынъ женился на дочери пастуха.

Автоликъ. Если пастухъ уже не схваченъ, такъ лучше пусть бѣжитъ; проклятія, которыя надъ нимъ разразятся, мученія, на которыя онъ обреченъ, сломали бы спину простому смертному и раздавили бы сердце чудовища.

Клоунъ. Вы такъ думаете, господинъ?

Автоликъ. И не одинъ онъ долженъ будетъ вынести на себѣ то, что есть злораднаго въ шуткѣ и невыносимаго въ мести, но и всѣ родственники его, хотя бы въ пятидесятомъ колѣнѣ, всѣ попадутъ въ руки палача; это очень жаль, но это необходимо. Старый мазурикъ овчарь, хранитель козловъ, вообразилъ выдвинуть дочку къ величайшимъ почестямъ! Одни говорятъ, что его побьютъ камнями; но это слишкомъ снисходительный для него видъ смерти, по моему мнѣнію. Задумалъ свести нашъ тронъ въ овчарню! Всѣхъ видовъ смерти мало для него, тяжелѣйшій будетъ слишкомъ легокъ.

Клоунъ. А есть у старика сынъ, господинъ? слышали ли вы о такомъ, господинъ?

Автоликъ. У него есть сынъ, съ котораго назначено, съ живого, содрать кожу, обмазать медомъ и поставить надъ гнѣздомъ ось; надъ нимъ будетъ онъ стоять, пока умретъ на три четверти и одну шестнадцатую; за тѣмъ его обольютъ аквавитомъ, или другою ѣдкою жидкостью, чтобы призвать къ жизни; затѣмъ, совсѣмъ мокраго, какимъ онъ будетъ, въ самый жаркій день изъ числа тѣхъ, что предсказаны календаремъ, будетъ онъ приставленъ къ кирпичной стѣнѣ, подлѣ которой солнце будетъ созерцать его своими южными очами, а онъ будетъ глядѣть на него, пока мухи не закусатъ его до смерти. Но зачѣмъ вамъ болтать объ этихъ измѣнническихъ негодняхъ, горе которыхъ должно осмѣивать, потому что совершенное ими преступленіе такъ велико? Скажи мнѣ (потому, что ты кажешься мнѣ простымъ и честнымъ

человѣкомъ), какое у васъ дѣло до короля? Такъ какъ на меня, до нѣкоторой степени, смотрятъ милостиво, то я приведу васъ къ нему, пока онъ еще на кораблѣ; представлю васъ, замолвлю доброе словечко, и если, кто кромѣ короля, можетъ исполнить ваше желаніе, такъ передъ вами именно тотъ, кто можетъ это сдѣлать.

Клоунъ. Повидимому, онъ пользуется большимъ значеніемъ; держись за него крѣпко, дай денегъ, и если могущество зачастую упрямый медвѣдь, то оно все-таки зачастую можетъ быть водимо за носъ. Приложите внутреннюю сторону вашего кошелька къ ладони его руки и больше ничего. Подумайте только: побить камнями, содрать кожу съ живого!

Пастухъ. Если бы вы согласились, господинъ, взять въ свои руки наше дѣло, то все это золото принадлежитъ вамъ, и я принесу вамъ еще столько же, и оставляю этого юношу заложникомъ, пока принесу.

Автоликъ. До тѣхъ поръ пока я сдѣлаю то, что обѣщаю.

Пастухъ. Да, господинъ.

Автоликъ. Хорошо, но дай мнѣ половину. А тебя развѣ это дѣло тоже касается?

Клоунъ. Да, отчасти, и хотя то, что со мною случилось достаточно печально, но я все-таки думаю, что съ меня живого кожи не сдерутъ.

Автоликъ. Да вѣдь это касается только сына пастуха: онъ долженъ быть повѣшенъ, на немъ покажутъ примѣръ

Клоунъ. Утѣшеніе, славное утѣшеніе; мы

593

должны итти къ королю и показать наши незнакомыя ему лица; онъ долженъ узнать, что она вамъ не дочь, а мнѣ не сестра, иначе все сказанное случится съ нами. Господинъ, я дамъ вамъ столько же золота, какъ и этотъ старикъ, когда дѣло будетъ устроено, и останусь, какъ онъ сказалъ, вашимъ заложникомъ до того времени, когда онъ принесетъ его.

Автоликъ. Я довѣряю вамъ. Идите, когда что, къ морю и придерживайтесь правой руки; я взгляну только за изгородь и послѣдую за вами.

Клоунъ. Этотъ человѣкъ для насъ благословеніе, настоящее благословеніе.

Пастухъ. Пойдемъ впередъ, какъ онъ говоритъ; онъ избранъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать намъ доброе дѣло.

(Пастухъ и Клоунъ уходятъ.)

Автоликъ. Если бы въ меня запала мысль быть честнымъ, то я вижу, что сама судьба не допустила бы меня къ честности; добыча сама лѣзетъ мнѣ въ ротъ. Мнѣ предстоитъ двойная выгода: золото и возможность услужить принцу, моему господину; кто знаетъ, какою ступенькою къ моему счастью послужить все это! Я приведу къ нему этихъ двухъ слѣпыхъ кротовъ; если онъ признаетъ за лучшее — снова прогнать ихъ и рѣшить, что ихъ дѣло до короля

не касается, онъ можетъ только назвать меня слишкомъ угодливымъ негодяемъ; а къ этому прозвищу и стыду, который съ нимъ связанъ, мнѣ не привыкать. Я представлю ихъ ему; это, можетъ быть ему сподручно.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Сицилія. Залъ во дворцѣ Леонта.

Входятъ ЛЕОНТЪ, КЛЕОМЕНЬ, ДІОНЪ, ПАУЛИНА *и другіе.*

КЛЕОМЕНЬ.

Довольно, государь, вы совершили
Святого покаянья. Нѣтъ вины,
Которой бы не искупили вы.
Не кайтесь болѣе, чѣмъ провинились,
И, какъ и небо вамъ простило грѣхъ,
Себя простите сами.

ЛЕОНТЪ.

Нѣтъ, покуда
Она и добродѣтели ея
Мнѣ памятны, не въ силахъ я простить
Позоръ свой, ту великую неправду,
Благодаря которой я лишилъ
Страну наслѣдника, себя супруги,
Жены сладчайшей, о которой мужъ,
Когда-либо мечталъ.

ПАУЛИНА.

Да, государь,
Когда бы вамъ пришлось себѣ просватать
Всѣхъ женщинъ міра и когда бъ отъ всякой,
Взявъ лучшее, создать хотѣли бъ чудо
И совершенство — той, что вы убили,
Она бы не достигла.

ЛЕОНТЪ.

Да, и я
Такъ думаю. Убилъ! да, я убилъ!
Но ты меня терзаешь, говоря,
Что я убилъ! мнѣ это злое слово
Звучить въ твоихъ устахъ совсѣмъ не лучше,
Чѣмъ въ помыслѣ моемъ, а потому

Прошу произносить его не часто.

КЛЕОМЕНЬ.

Не часто! никогда! вѣдь, вы могли бы,
Сударыня, что лучшее сказать,
И вашей добротѣ въ сто кратъ приличнѣй.

ПАУЛИНА.

Знать, вы изъ тѣхъ, которые не прочь
Женить его вторично?

ДИОНЬ.

Если вы
Иного мнѣнья, то тогда судьбы
Страны родной и правящаго рода
Для васъ ничто. Что за опасность въ томъ,
Когда бездѣтный царь страну оставить
Всѣмъ ужасамъ, на гибель тѣхъ людей,
Что смотреть безучастно! Что же лучше
Какъ радоваться тишинѣ, объявшей
Покойную въ гробу. И что отраднѣй
Какъ то, чтобы, въ надеждѣ сохраненья
Властительнаго рода, вновь призвать
На ложе королевское подругу
Того достойную?

ПАУЛИНА.

А кто же будетъ
Того достоинъ? и къ тому же нужно
Исполниться словамъ боговъ: вѣщаль
Самъ Аполлонъ, что долженъ онъ, Леонтъ,
Быть безъ наслѣдника, пока не сыщутъ
Дитя, потерянное имъ, а это,
Настолько смыслу здравому противно,
Какъ если бъ изъ могилы Антигонъ,
Съ дитятею погибшій вмѣстѣ, вдругъ
Явился къ намъ. Такъ, значитъ, вашъ совѣтъ,
Чтобы король, мой господинъ, рѣшился
Противиться богамъ! нѣтъ, государь,
Коронѣ вашей сыщется наслѣдникъ;

Великій Александръ ее оставилъ
Достойнѣйшему. Слѣдуйте ему,

Онъ слылъ за лучшаго изъ всѣхъ.

ЛЕОНТЪ.

Паулина!

Ты, что всегда такъ бережно хранишь
О Герміонѣ память, если бѣ я
Тебя одну лишь слушалъ, о, тогда бы
Я до сихъ поръ глядѣлъ бы въ очи ей
И съ устъ ея лобзалъ свое блаженство!

ПАУЛИНА.

И лучше бы, цѣннѣе оставляли,
Чѣмъ приняли.

ЛЕОНТЪ.

Да, ты вполнѣ права,
Нѣтъ женъ, подобныхъ ей, и мнѣ жены
Не надобно. Когда бы мнѣ пришлось
Съ той, что была бы хуже, обходиться
Привѣтливѣй, чѣмъ съ ней, душа ея тогда,
Вернувшись къ тѣлу и сюда явившись,
Къ ея обидчику, могла бѣ вопросъ
Мучительный поставить и сказать:
«Зачѣмъ же это мнѣ?»

ПАУЛИНА.

Когда бѣ возможно
Подобное что было, то права
Она была бы.

ЛЕОНТЪ.

И меня тогда
Къ вторичному убійству побудила.

ПАУЛИНА.

Будь я душой покойницы, явись я
Сюда, я попросила бѣ васъ взглянуть
Въ глаза преемницы и мнѣ сказать,
Что именно въ сіяньи глазъ ея
Васъ побудило ихъ избрать? Затѣмъ,
Надъ ухомъ вашимъ крикнула бы я
Такъ, чтобы оглушить: «мои ты вспомни!»

ЛЕОНТЪ.

Да, будто звѣзды были тѣ глаза,
Другіе всѣ — погаснувшіе угли!
Вѣрь, Паулина, что другой жены

Мнѣ не имѣть.

ПАУЛИНА.

Клянётесь ли навѣки,
Пока я не скажу, остаться вдовымъ?

ЛЕОНТЪ.

Клянусь тебѣ души моей спасеньемъ.

ПАУЛИНА.

Пусть всѣ, кто здѣсь, свидѣтелями будутъ.

КЛЕОМЕНЪ.

Не слишкомъ ли настаиваешь ты?

ПАУЛИНА.

Съ однимъ лишь исключеньемъ: если встрѣтитъ
Такую какъ она — ея портретъ.

КЛЕОМЕНЪ.

Однакоже...

ПАУЛИНА.

Постойте, доскажу.
Когда его рѣшенъе неизмѣнно
И безусловно онъ рѣшилъ жениться,
То предоставьте мнѣ подругу выбрать.
Постарше первой будетъ, но зато —
Вернись покойница — она бѣ съ восторгомъ
Узрѣла васъ, король, въ ея объятыхъ.

ЛЕОНТЪ.

Согласенъ, не женюсь, пока не скажешь.

ПАУЛИНА.

Не прежде это будетъ, чѣмъ она,
Умершая, опять вернется къ жизни.

Входитъ ПРИДВОРНЫЙ.

ПРИДВОРНЫЙ.

Какой-то юноша, зовется принцемъ,
И Флоризелемъ, сыномъ Поликсена,
Съ супругою, красивѣйшей изъ всѣхъ,
Какихъ видали мы, предстать желаетъ
Предъ вами, государь.

ЛЕОНТЪ.

Но отчего жъ онъ
Является не такъ, какъ подобаетъ
Величію отца? Его приходъ
Столь неожиданъ, быстръ, что можно думать,
Что вынуждено это посѣщенье
Нуждой иль случаемъ. А въ свитѣ кто?

ПРИДВОРНЫЙ.

Весьма немногіе и не изъ важныхъ.

ЛЕОНТЬ.

И съ нимъ принцесса, говоришь ты?

ПРИДВОРНЫЙ.

Да!
Прелестнѣйшее изъ созданій міра,
Когда-либо согрѣтыхъ свѣтомъ солнца.

ПАУЛИНА.

О Герміона! какъ всегда хвастливо
Былое обезцѣнить — современность
Стремится! такъ и ты должна въ могилѣ
Явившемуся вновѣ уступить!
Не сами ль вы, о государь, сказали,
И начертать велѣли на гробницѣ,
(Иль, можетъ-быть, могилы холоднѣе
Вдругъ надпись сдѣлалась?): «она была
И будетъ несравненною навѣки».
Да, этотъ стихъ о красотѣ ея,
Что нѣкогда стремился такъ далеко,
Теперь онъ сталъ сомнителенъ, и люди
Находятъ нѣчто лучшее ея.

ПРИДВОРНЫЙ.

Сударыня, простите мнѣ: одну
Почти что позабылъ я, а другая —
О ней судите, сами увидавъ,
Тогда рѣшенью глазъ языкъ отвѣтитъ

Задумай ей подобное творенье
Навербовать сектантовъ — всѣ другіе
Молиться бѣ перестали, прозелитовъ
Всѣхъ за собою потянула бѣ вслѣдъ.

ПАУЛИНА.

Не женщинъ только!

ПРИДВОРНЫЙ.

Женщинамъ по сердцу
Она за то, что всѣхъ мужчинъ достойнѣй;
Мущинамъ потому, что безподобнѣй
Всѣхъ женщинъ въ мѣрѣ.

ЛЕОНТЪ.

Выйди Клеомень
Со свитой, ихъ достойной, и веди
Ко мнѣ въ объятя.

(Клеомень и другіе придворные уходятъ.)

Все же мнѣ странна
Таинственность, съ кой онъ явился къ намъ.

ПАУЛИНА.

Когда бъ вашъ принцъ (изъ всѣхъ дѣтей алмазъ)
Увидѣлъ этотъ день, тогда бъ вдвоемъ
Прекрасною они бы парой были:
Нѣтъ разницы и мѣсяца межъ нихъ.

ЛЕОНТЪ.

Ни слова больше, я прошу. Ты знаешь,
Онъ будто умираетъ вновь, когда
Ты говоришь о немъ. Конечно, если
Увижу юношу, то созерцанье
Припоминаемаго можетъ сдѣлать,
Что изъ себя я выйду... Вотъ они.

(Клеомень возвращается съ Флоризелемъ, Пердитою и другими.)

ЛЕОНТЪ.

Принцъ, ваша мать была вѣрна, должно быть,
Союзу брачному, зачавши васъ:
Она черты супруга вамъ дала,
Такъ видъ его на васъ напечатлѣла,
Что будь теперь мнѣ двадцать лѣтъ — я васъ
Назвалъ бы братомъ, какъ я звалъ его,
И съ вами бы пустился въ болтовню
О шалостяхъ, что съ нимъ мы совершали.
Сердечный вамъ привѣтъ! И вамъ, принцесса,
Богиня! Я когда-то потерялъ
Такихъ какъ вы; между землей и небомъ
Они теперь стояли бъ здѣсь, какъ вы,

Такою же прекрасной дивной парой.
Лишился я (по глупости своей)
И дружбы вашего отца, съ которымъ
Хоть разъ еще я бѣ встрѣтиться желалъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Я по его явился приказанью
Въ Сицилію, и отъ него привезъ вамъ
Привѣтствія, какія только можетъ
Король послать лишь другу, брату. Если бѣ
Не слабость (что приходитъ къ намъ съ годами)
Которая подвижности желанной
Его лишила, то онъ самъ сюда,
Чрезъ земли и моря, что раздѣляютъ
Два вашихъ трона прибылъ къ вамъ, кого
(Онъ самъ велѣлъ мнѣ это вамъ сказать)
Отецъ мой любитъ болѣе всѣхъ скиптровъ
И больше тѣхъ, кому они даны.

ЛЕОНТЪ.

О добрый братъ мой! Сердце золотое!
Я вспомнилъ тѣ обиды, что когда-то
Нанесъ тебѣ: и эти изъявленья
Твоей любви такъ ясно говорятъ,
На сколько вялъ я и теряю время.
Привѣтъ обоимъ вамъ, какъ бы веснѣ
Сіяющей. Но какъ же онъ рѣшился
Васъ, дивные мои, рукъ Нептуна,
Всѣмъ ужасамъ (по меньшей мѣрѣ злобнымъ)
И прихотямъ пути морскаго ввѣрить
Лишь для того, чтобъ принести привѣтъ
Мнѣ, недостойному такихъ усилій,
Тѣмъ болѣе отваги!

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Государь!
Я и она — изъ Либіи мы плыли.

ЛЕОНТЪ.

Тамъ правитъ Смалюсъ, истинный герой,
Любимъ и страшень, какъ и подобаетъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Оттуда, государь, гдѣ онъ слезами
Прощанья доказалъ, что дочь мнѣ ввѣрилъ,
Попутный вѣтеръ къ югу насъ принесъ,
Чтобъ васъ привѣтствовать. Я отпустилъ

Вслѣдъ за прибытьемъ лучшихъ слугъ моихъ.
Съ тѣхъ, чтобы имъ въ Богеміи повѣдать
Не только о блаженствѣ, что сыскалъ
Я въ Либіи, но также и о томъ,
Какъ прибылъ я сюда съ моей женою.

ЛЕОНТЪ.

Пускай, пока вы здѣсь, избавятъ боги
Нашъ воздухъ отъ болѣзней и заразы.
Живъ вашъ отецъ, честнѣйшій человекъ,
Любимый, любящій; я, позабывши
Все это, виноватымъ сталъ предъ нимъ,
И за вину меня караетъ Небо:
Бездѣтенъ я, тогда какъ вашъ отецъ
Благословленъ по правдѣ и заслугамъ,
Имѣя васъ. О! чѣмъ бы могъ я быть,
Когда бы созерцалъ и дочь, и сына —
Такихъ, какъ вы.

Входитъ Придворный.

ПРИДВОРНЫЙ.

Великій государь,
Что я скажу совсѣмъ невѣроятнымъ
Покажется — но можно доказать.
Король Богеміи вамъ шлетъ поклонъ свой
Черезъ меня, онъ здѣсь и просить, чтобы

596

Подъ стражу взять вы повелѣли принца
Забывшаго свой долгъ и санъ высокій
И отъ отца бѣжавшаго сюда
Съ пастушескою дочерью.

ЛЕОНТЪ.

Но гдѣ жъ онъ,
Король Богеміи?

ПРИДВОРНЫЙ.

Я отъ него;
Онъ въ городѣ; я говорю нескладно,
Какъ подобаетъ странной вѣсти этой.
Когда спѣшилъ сюда онъ ко двору
(Какъ кажется по ихъ слѣдамъ въ погоню)
Онъ встрѣтилъ по пути отца и брата

Принцессы самозванной, вмѣстѣ съ принцемъ
Оставившихъ свою страну.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Такъ значитъ,
Обмануть я Камилломъ былъ, чья честность
Была такъ безупречна до сихъ поръ.

ПРИДВОРНЫЙ.

Упрекъ вашъ сами вы передадите
Камиллу, — онъ при королѣ.

ЛЕОНТЬ.

Камилль?

ПРИДВОРНЫЙ.

Да, государь, Камилль, я говорилъ съ нимъ.
Теперь онъ самъ допрашиваетъ бѣглыхъ;
Не видываль я трусовъ имъ подобныхъ;
Дрожать, цѣлуютъ землю, на колѣни
Бросаются, себя перебиваютъ,
Клянутся, что ни слово, а король
И слушать ихъ не хочетъ и грозить
И пытками, и многими смертями.

ПЕРДИТА.

Отецъ мой бѣдный! Небо не желаетъ
Союза нашего и намъ вослѣдъ
Шлетъ соглядатаевъ.

ЛЕОНТЬ.

Принцъ, вы женаты?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Нѣтъ, государь; да и едва ли будемъ;
Скорѣ звѣзды упадутъ въ долины,
И низкимъ станетъ то, что высоко.

ЛЕОНТЬ.

Отъ королевской ли исходитъ крови
Она, бѣжавшая?

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Ей быть такою
Чуть выйdetъ за меня.

ЛЕОНТЬ.

Я вижу только
Что это совершится слишкомъ поздно.
Судя по спѣшности отца въ погонѣ.
Мнѣ очень, очень жаль, что чужды стали
Любви отцовской вы, съ которой прочно
Обязанности связывали васъ;
Я сожалѣю и о томъ, что выборъ,
По внѣшности невѣсты — подходящій,
По крови непригоденъ.

ФЛОРИЗЕЛЬ.

Дорогая,
Хотя судьба враждебная не хочетъ,
Какъ и отецъ мой, нашего союза —
Любви взаимной погасить нельзя.
Вы, государь, припомнивъ юность вашу,
То время, какъ начали любить,
Передъ отцомъ ходатаемъ мнѣ будьте,
Онъ къ просьбѣ вашей свой преклонитъ слухъ,
Безцѣнное уступить, какъ бездѣлку.

ЛЕОНТЪ.

Тогда бы попросилъ я у него
Безцѣнную невѣсту вашу: онъ ее
Бездѣлкою считаетъ.

ПАУЛИНА.

Государь!
Ужъ слишкомъ много молодости видно
У васъ въ глазахъ; за мѣсяць до кончины,
Супруга ваша болѣе достойна
Была такихъ восторга полныхъ взглядовъ,
Чѣмъ то, на что вы смотрите теперь.

ЛЕОНТЪ.

Но глядя такъ, о ней то я и думалъ.

(Флоризелю.)

Я вамъ еще на просьбу не отвѣтилъ.
Ходатаемъ готовъ я быть за васъ:
Желанья ваши не противны чести,
Я другъ и имъ и вамъ; и съ этой цѣлью
Я къ вашему отцу пойду навстрѣчу
Послѣдуйте за мной и замѣчайте —
Какимъ путемъ я дѣло поведу.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же, передъ дворцомъ.

Выходятъ Автоликъ и Придворный.

Автоликъ. Будьте милостивы, господинъ, скажите: присутствовали ли вы при его разсказѣ?

Придворный. Я присутствовалъ при томъ, когда связку открыли и какъ разсказывалъ старый пастухъ — какъ онъ ее нашель. Затѣмъ, послѣ всеобщаго удивленія, были мы удалены изъ комнаты. Мнѣ кажется также, будто пастухъ утверждалъ, что дитя нашель онъ.

Автоликъ. Очень бы я радовался знать окончаніе всего этого.

Придворный. Я могу сообщить только урывками. Но тѣ измѣненія въ лицахъ короля и Камилла, которыя я замѣтилъ, были

597

признаками великаго удивленія; казалось, что, когда они глядѣли другъ на друга, глаза ихъ точно выскочить хотѣли; въ ихъ молчаніи слышалась рѣчь, въ ихъ движеніяхъ — голосъ; они, казалось, слышали сообщеніе о какомъ-то спасенномъ или разрушенномъ мірѣ. Въ нихъ было видимо замѣчательное удивленіе; но и самый умный изъ свидѣтелей, не знавшій ничего болѣе, кромѣ того, что онъ видѣлъ, не могъ бы сказать: печальны они, или радостны? Но это всегда бываетъ, когда то или другое достигаетъ высшаго предѣла.

Входитъ другой Придворный.

Вотъ входитъ человѣкъ, который знаетъ, что дальше было. Что новаго, Роджеро?

Второй Придворный. Ничего, кромѣ радостныхъ огней. Предсказаніе оракула исполнилось и королевская дочь найдена; такъ много чудеснаго совершилось за это время, что сочинители балладъ всего этого и разсказать не смогутъ.

Входитъ третій Придворный и.

Вонъ онъ дворецкій Паулины — этотъ разскажетъ вамъ больше меня. Ну, каково теперь? Новѣйшее изъ того, что слышно, становится до такой степени похоже на старую сказку, что въ немъ нельзя не сомнѣваться. Нашель король своего наслѣдника?

Третій Придворный. Вѣроятно, нашель, если когда-либо обстоятельства бывали такъ похожи на правду; и то, что вы услышите, вы бы поклялись, что видѣли собственными глазами: такъ сильно совпадаютъ всѣ доказательства. Одежда королевы Герміоны; ея драгоцѣнный камень на шеѣ ребенка; письмо Антигона, при немъ найденное, почеркъ котораго всѣми признается; величественность дѣвушки, совсѣмъ схожая съ материнскою; благородство ея помысловъ, о которыхъ на зло недостатку воспитанія,

свидѣтельствуеъ сама природа, — все это и многія другія доказательства говорятъ несомнѣнно о томъ, что она дочь короля. Видѣли вы встрѣчу обоихъ королевъ?

Второй Придворный. Нѣтъ.

Третій Придворный. Въ такомъ случаѣ вы лишились многого такого, что нужно видѣть, но описать нельзя. Вы бы увидѣли, какъ вѣнчаетъ одна радость другую: такъ что, казалось, будто печаль, долженствовавшая удалиться, плакала, покидая ихъ, такъ какъ радость обоихъ обливалась слезами. Это было такое бросаніе взглядовъ, такія пожатія рукъ, съ такими могучими измѣненіями въ чертахъ лицъ, что обоихъ королевъ можно было распознать только по ихъ одеждамъ, а никакъ не по лицамъ. Нашъ король, въ радости по отысканной дочери, выходявшій изъ себя, вдругъ воскликнулъ, какъ будто радость сразу обратилась въ горь: О! твоя мать! твоя мать!.. потомъ просилъ онъ короля Богеміи о прощеніи, обнялъ зятя, обнялъ вторично дочь свою, чуть не задавилъ ее и благодарилъ стараго пастуха, стоявшаго подлѣ, какъ вывѣтрившійся водопроводъ, видѣвшій не одно царствованіе. Въ жизни моей не слыхалъ я ни о чемъ подобномъ; дѣйствительность ослабляетъ рассказъ, который хочеть за нею слѣдовать и мѣшаетъ рассказчику рассказать ее.

Второй Придворный. Но что случилось съ Антигономъ, увезшимъ отсюда ребенка?

Третій Придворный. И это звучитъ какъ старая сказка, которую можно бы было повторять до безконечности, хотя бы никто ей не вѣрилъ и ни одно ухо къ ней не преклонилось. Его разорвалъ медвѣдь; объ этомъ свидѣтельствуеъ сынъ пастуха, имѣющій въ оправданіе себя не только свою туповатость (а она значительна), но и носовой платокъ и кольца Антигона, знакомые Паулинѣ.

Второй Придворный. Что же произошло съ сопровождавшими его, съ его кораблемъ?

Третій Придворный. Погибъ въ ту минуту, когда умеръ Антигонъ передъ глазами пастуха, такъ что всѣ предметы, которые сопровождали ребенка въ пути, погибли именно тогда, когда найдена дѣвочка. Но какъ боролись одно съ другимъ чувства радости и печали въ лицѣ Паулины! Одинъ ея глазъ какъ бы опускался вслѣдствіе горя о потерѣ мужа, другой, напротивъ того, весело глядѣлъ кверху, потому что исполнилось предвѣщаніе оракула. Она приподняла принцессу отъ земли и такъ сдавила ее въ своихъ объятіяхъ, какъ будто намѣревалась прикрѣпить къ сердцу, чтобы не потерять ея вторично.

Первый Придворный. Величіе этого зрѣлища было достойно имѣть зрителями князей и королевъ, потому что таковыя разыграли его...

Третій Придворный. Но самую цѣнную чертою всего совершившагося, ловившею мой глазъ, какъ на удочку (вода въ немъ проступила — хотъ и не рыба), — была та, когда говорили о смерти королевы. Король открыто при всѣхъ повинился въ этой смерти, сказалъ, какъ это произошло; видно было,

какъ врѣзывался въ сердце дочери этотъ разсказъ и какъ, наконецъ, переходя отъ одного знака печали къ другому, съ восклицаніемъ «ахъ!» зарыдала она, какъ мнѣ казалось, кровавыми слезами; мое сердце тоже сочилось кровью, это я знаю навѣрно. Самый окаменѣлый изъ присутствовавшихъ измѣнилъ при этомъ краску въ лицѣ; многіе упали въ обморокъ, всѣ были глубоко опечалены. Если бы весь міръ могъ присутствовать при этомъ зрѣлище, — печаль сдѣлалась бы всемірною.

Первый Придворный. Вернулись они ко двору теперь?

Третій Придворный. Нѣтъ, принцесса услышала о существованіи статуи своей матери, находящейся на попеченіи у Паулины — предметъ, надъ которымъ работали много лѣтъ; онъ только очень недавно поконченъ великимъ итальянскимъ мастеромъ Джуліо Романо, который, если бы имѣлъ за себя вѣчность и могъ вдохнуть въ статую жизнь, лишилъ бы природу всякаго занятія, съ такимъ совершенствомъ поддѣлываетъ онъ — обезьяна — ея творенія. Его Герміона такъ сходна съ настоящею Герміоною, что съ нею желательно заговорить и ждешь отвѣта. Туда же направились они теперь со всѣмъ голодомъ своей любви и будутъ тамъ ужинать.

Первый Придворный. Я думаю, что Паулина задумала что-то очень важное; со времени смерти Герміоны она ежедневно, два или три раза посѣщала этотъ удаленный домъ. Не пойти ли намъ туда и не присосѣдиться ли къ общей радости?

Третій Придворный. Кто же не желалъ бы присутствовать, имѣя право входа? Каждая минута способна принести новое блаженство, отъ участія въ которомъ всѣ отсутствующіе какъ бы отказываются. Пойдемте.

(Придворные уходятъ.)

Автоликъ. Не будь теперь на мнѣ пятна моей былой жизни, то повышенія посыпались бы на меня дождемъ. Я привелъ старика и его сына къ принцу на корабль; я сказалъ ему, что слышалъ разсказъ старика о какой-то связкѣ и многое другое. Но тогда былъ онъ полонъ впечатлѣнія пастушки, за которую принималъ ее; она, и онъ не менѣе ея, заболѣвали тогда морскою болѣзною, буря продолжалась, и тайна оставалась неоткрытою. Но это мнѣ все равно; если бы я даже и открылъ тайну, то это не отняло бы дурнаго запаха моей репутаціи.

(Входятъ пастухъ и Клоунъ.)

Вотъ они оба, тѣ, которымъ я, противъ моего желанія, сдѣлалъ добро; они кажется, уже находятъ въ полномъ цвѣтѣ своего счастья.

Пастухъ. Пойдемъ-ка, сынокъ; я братаецъ съ производствомъ на свѣтъ дѣтей покончилъ, — а вотъ твои сыновья и дочери всѣ будутъ дворянскаго рода.

Клоунъ. Вы здѣсь очень кстати, сударь; вы на этихъ дняхъ не хотѣли драться со мною, потому что я не прирожденный дворянинъ. Полюбуйтесь этою одеждою и скажите же, что вы ихъ не видите и продолжаете думать, что я не дворянинъ, или лучше скажите, что эти платья не прирожденные

дворяне. Ну, говорите, что я лгу; попробуйте сказать и вы убѣдитесь — прирожденный я дворянинъ, или нѣтъ.

Автоликъ. Я знаю, господинъ, что вы теперь кровный дворянинъ.

Клоунъ. И я былъ имъ всегда въ теченіе четырехъ часовъ.

Пастухъ. И я, голубчикъ.

Клоунъ. Вы, конечно, тоже, но я былъ прирожденнымъ дворяниномъ ранѣе, чѣмъ были таковымъ вы, мой отецъ, потому что принцъ взялъ сначала за руку меня и назвалъ «братомъ», послѣ того оба короля назвали «братомъ» васъ, моего отца, и уже потомъ принцъ, мой братъ, и принцесса, моя сестра, назвали моего отца «отцомъ»; и всѣ мы плакали, и это были первыя дворянскія слезы, когда либо пролитыя нами.

Пастухъ. Мы будемъ еще жить, сынокъ, и прольемъ многія другія.

Клоунъ. Да, если бы не такъ, — то было бы великимъ несчастьемъ, что мы съ тобой находимся въ такомъ исключительномъ положеніи.

Автоликъ. Униженнѣйше прошу васъ, господа, простить мнѣ всѣ мои ошибки, когда либо противъ вашихъ благородій совершенныя, и замолвить за меня словечко принцу, моему господину.

Пастухъ. Прошу тебя, сынокъ, сдѣлай это, потому что мы должны быть милостивы, такъ какъ мы милостивые государи.

Клоунъ. А ты думаешь исправиться?

Автоликъ. Да, если милостивый государь позволить это.

Клоунъ. Дай руку: я поклянусь принцу, что ты честнѣйшій и положительнѣйшій человекъ въ Богеміи.

Пастухъ. Ты можешь сказать это, но не клясться.

Клоунъ. Не клясться? да развѣ я не дворянинъ? Мужики и простые граждане могутъ говорить просто, — я же клянусь.

599

Пастухъ. Даже если это неправда, сынокъ?

Клоунъ. Какъ бы что лживо ни было, настоящій дворянинъ можетъ засвидѣтельствовать противное, своему другу въ удовольствіе; и я хочу поклясться принцу, что ты хорошій парень и не будешь пьянствовать; поклясться въ томъ, что я желаю, чтобы ты сталъ дѣйствительно порядочнымъ парнемъ.

Автоликъ. Я, сударь, по слабымъ силамъ моимъ, постараюсь таковымъ казаться.

Клоунъ. Ну, ну, старайся казаться хорошимъ во всѣхъ отношеніяхъ, и если я не удивлюсь тому, что въ тебѣ хватить духу не пьянствовать, такъ какъ ты совсѣмъ не хорошій парень, то не вѣрь мнѣ больше никогда. Тсс! слушайте: короли и принцы, наши родственники, направляются къ статуѣ королевы. Слѣдуй за нами; мы будемъ твоими добрыми господами.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната въ домѣ Паулины.

Входятъ ЛЕОНТЬ, ПОЛИКСЕНЬ, ФЛОРИЗЕЛЬ, ПЕРДИТА,
КАМИЛЛЬ, ПАУЛИНА, ВЕЛЬМОЖИ и СВИТА.

ЛЕОНТЬ.

О! какъ ты много утѣшенья мнѣ
Доставила, Паулина.

ПАУЛИНА.

Государь!
Мои намѣренья не всѣ съ успѣхомъ
Исполнены, но были хороши;
Вы заплатили щедро мнѣ; но нынче,
Придя ко мнѣ съ вѣнчаннымъ братомъ вашимъ
И съ избраннымъ наслѣдникомъ престола
Въ мой бѣдный домъ, превысили вы мѣру
Всей благодарности возможной.

ЛЕОНТЬ.

Всѣ мы
Хоть осчастливили — но безпокоимъ
Тебя, Паулина. Мы сюда явились,
Чтобъ статую увидѣть королевы;
Когда мы шли хоромами твоими,
Замѣтили мы рѣдкостей довольно,
Не видѣли мы только одного лишъ —
Того, зачѣмъ сюда явилась дочь —
Изображенья матери.

ПАУЛИНА.

Такъ точно,
Какъ въ жизни несравненно была,
Такъ даже въ сходствѣ самомъ несравненно
Изображенье, рѣдкая работа
Людской руки, и потому-то я
Ее скрываю. Вотъ оно, смотрите.
Но только приготовьтесь увидетьъ
Изображенье жизни, столь живое,
Столь схожее, какъ сходны смерть и сонъ.
Глядите, хороша ли?

(Отдергиваетъ занавѣсъ и открываетъ Герміону, стоящую, какъ статуя).

То молчанье,
Съ которымъ вы глядите, убѣждаетъ
Въ томъ, какъ удивлены вы, государь!
Скажите сами вы, не правда ль — схожа?

ЛЕОНТЪ.

Совсѣмъ она! Кляни, холодный камень,
Меня, чтобы назвать тебя я могъ
Моею Герміоной; или нѣтъ,
Ты не клянешь меня, и въ этомъ ты —
Совсѣмъ она: она была кротка,
Какъ милость и невинность. Но, Паулина,
На Герміонѣ не было морщинъ,
Была моложе.

ПОЛИКСЕНЪ.

Это несомнѣнно.

ПАУЛИНА.

Тѣмъ истиннѣй художника искусство;
Шестнадцать лѣтъ перескочивъ, онъ создалъ
Ее, какъ будто продолжала жить.

ЛЕОНТЪ.

О! если бѣ это было ей возможно
На радость мнѣ, чтобъ перестать терзать.
Дѣйствительно такую же стояла
Величественна жизнью (и тепла
На столько же, на сколько холодна
Въ изображеніи) въ тотъ день завѣтный,
Когда я сватался. Меня объемлетъ
Глубокій стыдъ. Не говоритъ ли камень,
Что больше камень я, чѣмъ онъ? Видѣнье!
Въ твоемъ величьи скрыто колдовство!
Оно на память мнѣ зоветъ злодѣйство,
И дочь мою сознанія лишило,
Такъ что она стоитъ, окаменѣвъ.

ПЕРДИТА.

Простите, не сочтите суевѣрьемъ,
Что я склонюсь, прося благословенья,
Предъ обликомъ ея. О! королева
И матушка, умершая тогда,
Какъ родилась я, допусти меня
Твоей руки коснуться поцѣлуемъ.

ПАУЛИНА.

О! осторожнѣ! Еще недавно
Работа кончена, и краски влажны.

КАМИЛЛЬ.

Безцѣнный государь! Шестнадцать зимъ

Не свѣяли печали вашей; столько жъ
Горячихъ лѣтнихъ дней, чтобъ изсушить

600

Ее, не властны были. Ни одна
На свѣтѣ радость не живетъ такъ долго.
Не можетъ же печаль быть долговѣчной:
Она себя должна уничтожать.

ПОЛИКСЕНЬ.

Дрожайшій братъ мой! разрѣши тому,
Кто былъ причиною печали этой,
Взять долю на себя, чтобы нести.

ПАУЛИНА.

Да, государь, когда бъ я только знала,
Что этотъ обликъ въ васъ пробудить столько
Печали — я бъ его не показала, —
Онъ — мой.

ЛЕОНТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, его завѣсой
Не закрывай.

ПАУЛИНА.

Закреть его должна я
Затѣмъ, что, глядя дольше, усомнитесь,
Не двигается ль онъ?

ЛЕОНТЬ.

О! нѣтъ, оставь.
Хотѣлъ бы мертвымъ быть я; мнится мнѣ,
Что мертвъ я. Кто же сотворилъ, однако,
Такое изваянье? Поликсень,
Не думаешь ли ты, какъ я, что дышитъ
Оно, и кровь бѣжитъ по жиламъ въ немъ?

ПОЛИКСЕНЬ.

Да, трудъ чудесный, и улыбка жизни
Есть на губахъ.

ЛЕОНТЬ.

И взглядъ ея направлень
Какъ бы живой; смѣется тутъ искусство
Надъ нами.

ПАУЛИНА.

Я ее скорѣй завѣшу;
Взволнованъ государь на столько, что
Вдругъ за живую приметъ.

ЛЕОНТЪ.

О, Паулина!
Хотѣлъ бы я такъ думать двадцать лѣтъ;
Умъ міра цѣлаго не могъ бы мнѣ
Подобнаго безумства замѣнить;
Не тронь ее.

ПАУЛИНА.

Но я боюсь за васъ,
Хотя могла бъ подѣйствовать сильнѣе.

ЛЕОНТЪ.

Да, такъ и дѣлай, это будетъ мнѣ
Въ великую отраду. Но, мнѣ мнится,
Что отъ нея какъ будто вѣтромъ вѣетъ?
Нѣтъ, никакой рѣзецъ вдохнуть не можетъ
Дыханья! Смѣйтесь, но ее я долженъ
Поцѣловать.

ПАУЛИНА.

Остерегитесь; право,
Румянецъ краски на губахъ не высохъ,
Ее испортитъ поцѣлуй, а вамъ
Запачкаетъ онъ губы. Я завѣшу?

ЛЕОНТЪ.

Нѣтъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ не закрывай!

ПЕРДИТА.

И также долго я глядѣть останусь.

ПАУЛИНА.

Одно изъ двухъ вамъ нужно: удалиться
Отъ этой ниши, или ожидать
Другого чуда, большаго всѣхъ прочихъ;
Когда себя считаете способнымъ
Смотрѣть, могу я привести въ движеніе
Изображеніе; оно сойдетъ
Сюда и васъ возьметъ за руку;
Но только не подумайте тогда,
Что съ колдовствомъ въ связи я — ограждаюсь!

ЛЕОНТЪ.

О! чтобы ты ей дѣлать ни велѣла,
Съ любовью я увижу. Мнѣ услышать
Ея слова! — тебѣ, какъ видно, также
Легко ея заставить говорить,
Какъ двигаться.

ПАУЛИНА.

Вамъ нужно, государь,
Въ себѣ сознать всю силу вашей вѣры;
Затѣмъ молчите всѣ; а что до тѣхъ,
Кто думаетъ въ моемъ дѣяньи видѣть
Преступное — пускай уходитъ прочь.

ЛЕОНТЪ.

Начни. Кто здѣсь, всѣ стойте неподвижно.

ПАУЛИНА.

Ты, музыка, буди ее, пора!

(Музыка играетъ.)

Сойди, не оставайся больше камнемъ,
Приблизься, изумленьемъ поразивъ
Всѣхъ видящихъ. Твою гробницу я
Закрою; ты же двигайся, иди!
Оставь недвижность смерти за могилой,
Ты счастьемъ жизни куплена у ней.
Смотрите — движется!

(Герміона сходитъ съ пьедестала.)

Вы, не пугайтесь
Ея — она, какъ и мое дѣянье,
Невинна и свята; нѣтъ, не пугайтесь,
Не то умереть вторично, и тогда
Вторично совершите вы убійство.
Вы протяните руку ей свою,
Какъ было то при сватовствѣ, теперь же
Она посватается.

ЛЕОНТЪ *(обнимаетъ Герміону).*

О! она тепла!
Когда тутъ колдовство — оно законно,
Законно такъ же, какъ принятъе пици.

ПОЛИКСЕНЪ.

Онъ обнять ею!

КАМИЛЛЪ.

Онъ въ ея объятяхъ!
 Когда она дѣйствительно живетъ,
 Ты говорить ее заставь.

ПОЛИКСЕНЪ.

Пусть скажетъ,
 Какъ тамъ жила и какъ ушла отъ смерти?

ПАУЛИНА.

Когда бы вамъ сказали, что она
 Живетъ, конечно, вы бы разсмѣялись,
 Какъ старой сказкѣ. Но она, какъ будто
 Живетъ, хотя еще не говорить.
 Немного погодите. Ну, принцесса
 Прекрасная, посредницею будьте,
 Прося благословенія ея,
 Колѣна ваши преклоните. Королева
 Любимая! сыскалась ваша дочь,
 Пердита!

(Пердита становится на колѣни.)

ГЕРМИОНА.

Боги! отъ небесъ далекихъ,
 Пролейте изъ святыхъ фіаловъ вашихъ
 Благословенье на главу ея.
 Повѣдай, дочь единственная, какъ
 Ты сохранилась? Гдѣ съ тѣхъ поръ жила?
 Какъ отыскала дворъ отца? но помни,
 Что для тебя себя я сохраняла,
 Увѣрена, со словъ Паулины, въ томъ,
 Что говорилъ оракуль: ты жива!

ПАУЛИНА.

На это хватитъ времени. Не то
 Всѣ захотятъ рассказывать, мѣшая
 Всѣмъ вашимъ радостямъ. Ступайте вмѣстѣ,
 Счастливицы; въ обаяннѣ счастья жизни
 Наговоритесь. Горлица — старушка
 Усядусь я на высохшую вѣтвь
 Оплакивать погибшаго супруга,

Оплакивать до смерти.

ЛЕОНТЪ.

Нѣтъ, Паулина,
Изъ рукъ моихъ должна принять ты мужа,
Какъ принялъ я изъ рукъ твоихъ жену;
Такъ сговорились мы; мою сыскала ты, —
Хотѣлъ бы я спросить: какимъ путемъ?
Самъ видѣлъ мертвою ее, такъ думалъ,
И надъ могилой произнесъ не мало
Молитвъ. Искать не долго буду я
Тебѣ супруга, подойди, Камиль,
Возьми ея ты руку, ты, который
Достоинство свое и вѣрность часто
Доказывалъ — свидѣтелями мы
Король и королева. Ну, идемъ
Отсюда, братъ! взгляните на него!
Простите оба мнѣ, что злобой
Я опорочилъ блескъ и чистоту
Невинныхъ взглядовъ вашихъ. Вотъ нашъ зять,
Сынъ друга-короля, въ защитѣ неба
Соединенный съ дочерью моею.
Веди, Паулина, насъ туда, гдѣ будетъ
Привольнѣй на досугъ говорить,
О томъ какія роли разыграли
Мы всѣ во времени съ тѣхъ поръ, какъ насъ
Судьба разъединила. Въ путь, скорѣе!

(Уходятъ.)

К. Случевскій